The Show Must Go On. Жизнь, смерть и наследие Фредди Меркьюри

Автор:
Лэнгторн Мэтт

The Show Must Go On. Жизнь, смерть и наследие Фредди Меркьюри

Ричардс Мэтт

Лэнгторн Марк

Подарочные издания. Музыка

Впервые на русском! Самая подробная и откровенная биография легендарного вокалиста группы Queen – Фредди Меркьюри. К премьере фильма «Богемская рапсодия! От прилежного и талантливого школьника до звезды мирового масштаба – в этой книге описан путь одного из самых талантливых музыкантов XX века. Детские письма, архивные фотографии и интервью самых близких людей, включая мать Фредди, покажут читателю новую сторону любимого исполнителя. В этой книге переплетены повествования о насыщенной, яркой и такой короткой жизни великого Фредди Меркьюри и болезни, которая его погубила. Фредди Меркьюри – один из самых известных и обожаемых во всем мире рок-вокалистов. Его голос затронул сердца миллионов слушателей, но его судьба известна не многим. От его настоящего имени и места рождения до последних лет жизни, скрытых от глаз прессы. Перед вами самая подробная и откровенная биография великого Фредди Меркьюри. В книге содержится множество ранее неизвестных фактов о жизни певца, его поисках себя и трагической смерти. Десятки интервью с его близкими и фотографии из личного архива семьи Меркьюри помогут читателю проникнуть за кулисы жизни рок-звезды и рассмотреть невероятно талантливого и уязвимого человека за маской сценического образа.

Ричардс Мэтт, Лэнгторн Марк

The Show Must Go On. Жизнь, смерть и наследие Фредди Меркьюри

Роде Шарлотт, которая принесла столько радости за столь короткий срок – и продолжает это делать.

Мэтт

Эта книга посвящена моему близкому другу,

Мише Кучеренко – выдающемуся во всем.

Марк

Ричарду и Ли – спасибо, что верили в эту книгу, и за всю вашу поддержку.

Жизнь без испытания не живуща в человеке[1 - Платон. Апология Сократа. Перевод Василия Карпова. – Прим. ред.].

Сократ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКИХ МУЗЫКАНТОВ

Оззи. Автобиография без цензуры

Для этой книги «великому и ужасному» Оззи Осборну пришлось многое вспомнить: подростковые годы в маленьком промышленном городке в послевоенной Англии, начало музыкальной карьеры (с работы настройщиком автомобильных клаксонов), проступки юности (в том числе криминальные),

прорыв на большую сцену и тернистый путь к успеху, которого он совсем не ожидал. Он вспомнил все, что смог, и книга этих воспоминаний получилась невероятно увлекательной, харизматичной, личной и по-настоящему смешной.

Последние гиганты. Полная история GunsN’ Roses

Эта книга – единственная полная биография великой группы, написанная заслуженным музыкальным журналистом, знакомым с группой на протяжении многих лет. Вас ждет огромное количество эксклюзивных интервью, доступ к архивным записям и, главное – личные истории самих музыкантов. Атмосфера Голливуда 80-х годов, пленившая молодого мечтателя Акселя Роуза, первая неловкая репетиция Guns N' Roses, истории взросления музыкантов, создания песен, скандалов и ссор и, наконец, воссоединения.

The Rolling Stones. Взгляд изнутри

«Взгляд изнутри» – это уникальная возможность оказаться в закулисье вместе с Миком Джаггером, Китом Ричардсом, Чарли Уоттсом и Роном Вудом. Увидеть все глазами счастливчика Доминика Ламблена, который провел 40 лет рука об руку с группой. Сумасшествие в концертном зале «Олимпия» в 60-х, декадентские турне 70-х, туры в поддержку легендарных альбомов «Exile On Main Street» и «Some Girls» – Ламблен видел абсолютно все! Книга, буквально пропитанная атмосферой «Sex & Drugs & Rock & Roll» и захватит вас с первой страницы.

Ленинград. Невероятная и правдивая история группы. 20 лет

В этой книге писатель и журналист, друг Сергея Шнурова, Максим Семеляк объясняет феномен Шнура и честно рассказывает о том, как самая популярная группа страны работала все эти годы. В книгу включены размышления Шнурова, его интервью, заметки и комментарии. А также очень много фотографий из личных альбомов, многие из которых ранее нигде не публиковались.

Пролог

Ноябрь 1991 года

Лондон, воскресенье, десятое число. Типичная для столицы погода – мрачная. Субботние и воскресные газеты полны домыслов о недавней гибели у берегов Тенерифе скандального газетного магната Роберта Максвелла. Посланник англиканской церкви Терри Уэйт только что освобожден из ливанского плена. Фильмы «Терминатор 2: Судный день» и «Робин Гуд: Принц воров» борются за британские кассовые сборы. Надежды на победу на выборах лейбористов, возглавляемых Нилом Кинноком, подкреплены опросом компании MORI, показывающим преимущество в шесть очков перед правящей партией консерваторов Джона Мейджора.

Все это, вероятно, не имеет значения для немощного пассажира частного самолета, приземлившегося на британскую землю после короткого перелета из Швейцарии. Его, слепнущего и не способного ходить без посторонней помощи, осторожно ведут по трапу самолета. В порядке исключения его проводят в обход очередей на таможне – так ему удается избежать публики, прессы и поджидающих камер. После паспортного контроля пассажира ведут в стоящий наготове «Мерседес», тонированные стекла которого помогают ему остаться неузнанным. Всего через час он выходит из машины у своего кенсингтонского особняка, и ворота с электронной системой безопасности отгораживают его от окружающего мира.

И мир от него.

В просторной прихожей, украшенной прекрасным дрезденским фарфором, недавно заново развесили гравюры, а длинная галерея примыкающих комнат заполнена японской мебелью и произведениями искусства, масляной живописью и изысканными вазами фирмы «Лалик». В музыкальной комнате на деревянном полу стоит рояль. На нем в серебряных рамках – картины жизни, скрытой от столь многих. Крышка рояля опущена.

Лестница ведет наверх. Перила – необходимое подспорье больному в его утихающем стремлении добраться до хозяйской спальни. Дней, когда он спускается утром за чашкой чая, все меньше. Он проводит время у себя в спальне. Наверху освежитель воздуха смешался с запахом дезинфицирующих средств. Кажется, будто слишком много часов было упущено.

В хозяйской спальне когда-то безупречно ярко-желтые стены стали выглядеть болезненно-выцветшими. Перед огромным окном стоит кровать со встроенным в стену изголовьем. По бокам – два искусно инкрустированных комода красного дерева, сделанных на заказ. У стен стоят французские шкафы-витрины времен Второй империи с изогнутыми передними стенками. В них – дорогая коллекция хрустальных скульптур и венецианских чаш.

В правой части спальни находится будуар. Эдвардианский шезлонг и кресло-фотель XVII века готовы принимать друзей и гостей. Но посетителей теперь мало. Они приезжают не на шумные посиделки и вечеринки, как в былые времена, а предаваться воспоминаниям. Стойка для капельницы справа от кровати – для переливания крови – выдает, что в доме поселилась болезнь.

Больной лежит в полусне. Дыхание тяжелое. Противорвотное подавляет тошноту, а инъекция болеутоляющего, сделанная верной домашней прислугой, не отходящей от него ни на шаг, начинает действовать. Смесь лекарств вводится через имплантат Хикмана – канюлю, вставленную в вену на шее. Эту простую операцию провели месяцы назад, чтобы облегчить введение лекарств, необходимых для спасения жизни пациента – или как минимум поддержания в нем жизни, свободной от боли. Имплант также позволил обойтись без присутствия медсестры каждый раз, когда нужно устанавливать венозный катетер – то есть минимум дважды в день. Положение усугубляется аллергией пациента на морфин – седативный препарат, который используется для обезболивания в таких случаях.

Живущего здесь человека сейчас почти никто бы не узнал, хотя почти все знают, кто он такой. Он практически недееспособен: его кровать будто спасательный плот, уцелевший при кораблекрушении обломок; он пленник в стенах собственного дома. За пределами святилища его японского сада, за стенами его дома беснуются пресса и папарацци, непрерывно рыскающие в поисках любого слуха или сплетни, которые можно превратить в заголовок для ненасытной публики, жаждущей новостей о постояльце этого дома. Они устроили осаду и ждут. Он чувствует их присутствие – ему слышно, как они галдят и бубнят, пока он лежит в постели. Звуки доносятся только из-за одной стены, и иногда ему видно, как всплывают наверх синие клубы дыма от их сигарет.

Но это лишь одна из причин, по которой обитатель спальни не выходит из своего дома. Другая, главная причина – у него СПИД. Надежда на исцеление, тщетная вера в лекарства, способные продлить ему жизнь, пропали. Авторитетные врачи

отступили – им больше нечего предложить.

Вообще-то в ближайшие недели он не сможет спуститься на первый этаж, не говоря уже о выходе за ограду дома.

Неспособный есть регулярно, он выживает на минимуме необходимого. Рис всегда жареный, никогда – вареный. И напитки – вода и чай с молоком. Иногда, но все реже, свежие фрукты.

Надежды больше не осталось, спасения от прошлого больше нет. Его иммунная система настолько разрушена, что тело фактически беспомощно перед угрозой инфекции. Врач регулярно звонит и приходит через день, но пациенту теперь нужен аппарат искусственного дыхания; он почти не может управлять своими мышцами.

Телевизор проигрывает фильм 1959 года «Имитация жизни», его любимую картину с Ланой Тернер в главной роли. Раньше он не мог сдержать слез в финале. Режиссер воздействовал на его эмоции так же, как он сам управлял эмоциями людей, слушавших его музыку предыдущие два десятилетия. Но сейчас он не плачет. Его состояние существенно изменилось с тех пор, когда он в последний раз побывал в Лондоне. Это беспокоит его близких. Он угасает быстрее из-за решения, принятого меньше недели назад, – отказаться от лекарств.

Препараты, которые он принимал последние три года, – экспериментальный и в конечном счете смертельный коктейль – мало помогли отсрочить неизбежное. Они стали не чудесным средством исцеления, как он надеялся, а разрушительным катализатором, лишь ухудшившим оставшийся ему отрезок жизни.

Надежды на чудо не оправдались. И вопрос теперь был не в том, умрет ли он, а в том, когда это случится. Так кончалась его жизнь.

И так он начал умирать.

Часть первая

Глава 1

У всего есть начало.

Начало этой истории лежит в Бельгийском Конго, в самом сердце Африки. Стоял 1908 год, страна пыталась восстановиться после жестокого правления короля Леопольда II.

В том году Свободное государство Конго прекратило существовать, аннексированное Бельгией. Этот регион, в 75 раз больше самой Бельгии, теперь стал колонией под названием Бельгийское Конго. Король Леопольд умер через год, так ни разу и не ступив на эту территорию.

Вскоре Бельгийское Конго превратилось в «образцовую колонию», а передача полномочий Брюсселю способствовала тому, что немалая часть получаемых регионом доходов инвестировалась в него же. Прибывшие миссионеры строили больницы и клиники, а церковь руководила школами. Была создана инфраструктура железных и автомобильных дорог. Горнодобывающие компании предоставляли своим сотрудникам жилье и техническую подготовку.

Хотя это давало большие преимущества жителям крупных и более мелких городов вроде Бомы и Леопольдвиля[2 - Леопольдвиль был переименован в Киншасу в 1966 году Жозефом-Дезире Мобуту, пришедшим к власти в Конго во время второго государственного переворота 1965 года и инициировавшим политику «африканизации» имен и названий внутри страны.], щупальца прогресса едва ли дотронулись до обитателей глубин влажного тропического леса. Племенные народы, как и тысячи лет до этого, выживали за счет охоты и собирательства. Они добирались до ближайшей деревни или города только для того, чтобы продать дичь или ценный мед, добытые под пологом влажного тропического леса. Бескрайние тропические леса Конго населяло несколько племен. Самые известные из них – пигмеи, которых знают как мбути в лесах Итури на севере Конго. Кроме них здесь обитали племена ака, тва и бака, а также их более рослые и влиятельные соседи – банту, среди которых был один молодой охотник.

Наш охотник жил в глубине конголезских джунглей и относился к той малочисленной этнической группе банту, которая населяет верховье реки Санга. Кочевники по природе банту охотятся на лесную дичь. Молодой, физически крепкий и мускулистый, он был одним из лучших охотников племени и занимался не только этим. Ему доверяли отвозить мясо дичи, туши и меха вверх по реке в город Леопольдвиль, чтобы обменивать их на корни маниоки, из которых пекут «хлеб из кассавы» для всего племени. Но сначала нужно было поймать добычу.

Накануне, вооруженный длинным копьем, ножом с железным наконечником и проволокой для ловушек, он отправился в лес, чтобы расставить силки. Веткой он прикрепил к земле смертоносную проволочную петлю и прикрыл ее листьями. Молодое деревце, пригнутое к земле с помощью второго куска проволоки, стало пружиной, которая затянет петлю. Теперь, спустя ночь и день после установки ловушек, он проверяет, не попалась ли в них добыча.

Приближаясь к первой ловушке, охотник слышит шум в подлеске впереди. Он подкрадывается медленно и тихо, опасаясь потревожить яркую, как стебельки травы, смертоносную зеленую мамбу, обитающую в нижнем ярусе тропического леса и на деревьях. Вот и ловушка. Вглядываясь сквозь занавес похожих на виноградные лозы лиан, охотник видит, что поймал молодого самца шимпанзе. Животное, когда-то энергичное и полное жизни, теперь выглядит истощенным и почти мертвым.

Подойдя ближе, охотник замечает, что животное отгрызло себе часть ноги, чтобы освободиться от ловушки. Он бросается вперед и колет шимпанзе копьем, но недостаточно быстро. Зубы шимпанзе вонзаются в его левую руку. Он отступает от боли, поднимающейся от его кисти к локтю. Затем со всей силы вонзает копье глубоко в грудь шимпанзе. Этого достаточно: животное перестало бороться за жизнь.

Он осматривает свою раненую руку. Укус не слишком глубокий, поскольку животное уже ослабло от потери крови. Он старательно очищает рану, затем железным ножом разделывает мертвое животное и вырезает его внутренности. Закончив, он взваливает тушу на плечи и несет к лодке. Теплая кровь шимпанзе смешивается с его кровью, сочащейся из открытой раны.

Охотник не знает, что пойманный и убитый им шимпанзе – переносчик вируса. Тот проникает в его кровь через рану и, обнаружив, что эта кровь не сильно

отличается от крови шимпанзе, инфицирует ее. Человек для него – идеальный носитель, так как у шимпанзе и людей совпадает более 98 % генома. Вирус тут же начинает агрессивно размножаться. Не подозревая об инфекции, охотник бросает мертвого шимпанзе в свою лодку поверх тушек ранее добытых животных – например, панголинов и малой антилопы, – и отталкивает лодку от берега. Он движется в сторону Леопольдвиля, что в трех днях пути вниз по течению реки Санга.

В те времена Леопольдвиль был процветающим, шумным торговым центром с быстро растущим населением. Город Бома, расположенный более чем в 320 км к западу, был столицей Бельгийского Конго и резиденцией генерал-губернатора, а Леопольдвиль – буйно разрастающимся городком из одноэтажных лачуг, спускавшихся к самому берегу реки Конго. Этот могучий водоем, длиной свыше 4300 км, тянется на северо-восток к Кисангани – городу, расположенному почти в тысяче километров. Благодаря появлению железной дороги до Матади Леопольдвиль превратился из рыбацкой деревушки в шумный центр коммерции. Именно поэтому в Леопольдвиль стекались торговцы, лоточники и охотники со всего Бельгийского Конго, желающие продать свои товары. А где есть торговцы, лоточники и охотники, там есть и проститутки.

После трех дней на реке наш охотник прибывает в Леопольдвиль. Он часто бывал здесь, обычно с какими-нибудь животными, которых выслеживал и убивал в джунглях. Этот раз – не исключение. Привезенные им туши, включая укусившего его шимпанзе, разделаны и готовы к продаже для дальнейшей готовки или копчения. Блюда из мяса шимпанзе, скорее всего, никого не заразят. Шкуры и меха охотник обменяет на маис и кассаву. Но за мясо дичи ему удается выручить несколько бельгийских франков – сумму достаточную, чтобы отпраздновать сделку выпивкой и посещением одной из многочисленных проституток, расхаживающих по улицам города. Либо в этот раз, либо во время последующих приездов охотник передаст им обосновавшийся внутри него вирус, о котором он не подозревает, и это станет началом распространения болезни среди человечества[3 - ‘Revealed: How the AIDs Epidemic Began in an African Rainforest in 1908’ by Stephen Lynch, The New York Post, 24th February 2015.]. Передача вируса от шимпанзе к охотнику, вероятно, была тем единственным разом, когда штамм ВИЧ прошел межвидовой барьер от шимпанзе к человеку и затем успешно проявился в виде пандемии, которую мы наблюдаем сегодня.

В густонаселенном Леопольдвиле, где мужчин было намного больше, чем женщин, и проституция процветала, вирус нашего охотника довольно легко

распространился. Опаснее всего было то, что период от заражения до смерти больного мог занимать – чаще всего так и происходило – несколько лет, пока вирус подтачивал иммунную систему носителя, позволяя незамеченным переходить от одной жертвы к следующей. Проститутка, с которой охотник провел ту ночь в Леопольдвиле, а затем и другие, у которых он побывал, передали вирус своим клиентам, которые затем вернулись домой к своим женам, подружкам и партнерам. Именно так, неторопливо, начался этот фатальный цикл.

Глава 2

На протяжении десятка лет после событий 1908 года инфекция передавалась по цепочке, но не выходила за пределы Конго. Болезнь, вызываемая вирусом, не привела ни к одной заметной вспышке за несколько последующих десятилетий. Требовалось идеальное стечение обстоятельств, чтобы вирус стал стремительно распространяться.

Такие условия сложились в ходе медицинских кампаний, проводимых в Бельгийском Конго с 1921 по 1959 год. Продиктованные благими намерениями, они привели к злосчастному результату. Колониальные органы здравоохранения, вознамерившись победить изнурительные и подчас смертельные тропические заболевания, такие как сонная болезнь, впервые использовали одноразовые шприцы массового производства. Именно с их помощью стало возможным осуществить ряд медицинских программ.

Шприцы для инъекций существовали с 1848 года, но даже к концу Первой мировой войны их стеклянные и металлические части все еще производились мастерами вручную, из-за чего они оставались большой редкостью. Во время одной из медицинских экспедиций по верховью реки Санга в 1917–1919 годах французский врач Эжен Жамо излечил более 5300 случаев сонной болезни, используя всего шесть шприцев[4 - The Chimp and the River: How AIDS Emerged from an African Forest by David Quammen (W.W. Norton & Company, Inc., 2015).].

В 1920-х годах началось массовое производство шприцев, и положение дел изменилось. Это было крайне важным событием для медицинских команд, работающих в Африке – особенно в Бельгийском Конго и соседнем Камеруне,

хотя их ресурсы и оставались ограниченными. Шприцы не были одноразовыми, а стерилизовать их или даже иголки на практике не представлялось возможным.

Эти кампании по вакцинации от сонной болезни создали идеальные условия для распространения того вируса, который наш молодой охотник невольно занес в Леопольдвиль. В Бельгийском Конго инъекции проводили мобильные команды, не имеющие профильного образования и получившие минимальную техническую подготовку. Они навещали пациентов в деревнях, чтобы сделать им ежемесячные уколы. Цель визитов, однако, состояла не только в лечении деревенских жителей, но и в защите от болезни туземной рабочей силы и колониальной администрации. Из-за огромного множества людей, нуждающихся в инъекциях, времени на кипячение и стерилизацию каждой иглы не хватало. Перед следующим пациентом их просто ополаскивали водой и спиртом.

Поэтому зачастую в шприцах оставалось немного крови. Ничтожного количества зараженной крови хватало, чтобы передать болезнь. Даже после 1956 года, когда появились одноразовые пластиковые шприцы (изобретенные новозеландским фармацевтом и ветеринаром Колином Мердоком, который хотел разработать метод вакцинации, устраняющий риск заражения), скорее всего, их продолжали использовать повторно из-за дороговизны.

Эта практика продолжалась, что подтолкнуло канадского профессора микробиологии Жака Пепина в 2011 году предположить, что связующим звеном между исходным человеком-носителем и мировой эпидемией вируса был именно шприц для инъекций[5 - The Origins of AIDS by Jacques Pepin (Cambridge University Press, 2011).]. Он установил, что из 3,9 млн инъекций против сонной болезни 74 % были сделаны внутривенно, а не внутримышечно. Внутривенные инъекции – не только самый прямой путь введения лекарства в организм, но и лучший способ непреднамеренной передачи вируса, переносимого кровью[6 - The Chimp and the River by David Quammen (W.W. Norton & Company, Inc., 2015).]. Кроме того, до 1950 года в Африке, южнее Сахары, было всего две колонии, где проводились программы переливания крови. Первой был Сенегал, запустивший их крови в 1943 году, а второй – Бельгийское Конго, где с 1923 года велись примитивные процедуры исключительно для лечения маленьких детей с тяжелыми формами анемии, вызванной малярией. Малярии так боялись, что, по-видимому, польза от переливания крови намного перевешивала риск заражения другими заболеваниями или вирусами, передающимися через кровь, – такими как вирус иммунодефицита человека (ВИЧ)[7 - ‘Blood Transfusions in the Early Years of AIDS in Sub-Saharan Africa’ by William H. Schneider PhD and Ernest Drucker

PhD (American Journal of Public Health, June 2006).].

Существуют разные мнения на этот счет. Некоторые эксперты сомневаются, что иглы сыграли значительную роль в распространении ВИЧ среди людей, полагая, что достаточно было и просто сексуальных контактов. Но даже они согласны, что кампании по вакцинации (и в меньшей степени программы переливания крови) впоследствии сыграли свою роль, обеспечив распространение вируса среди людей по всей Африке.

Пепин, однако, полагал, что именно инъекции могли быть связаны с переходом ВИЧ через критический порог распространения. Момент, когда вирус был непреднамеренно введен стольким людям, что естественное затухание вируса стало невозможным, – это точка, за которой передача половым путем смогла доделать остальное. Население Африки стало чаще путешествовать по континенту благодаря развитию автомобильных и железных дорог, и трансафриканское распространение инфекции ускорилось. С конца 1930-х и до начала 1950-х годов вирус продвинулся по железной дороге и водным путям до Мбужи-Майи и Лубумбаши на юге и Кисангани на севере. Сначала инфекция была ограничена конкретными группами людей. Но вскоре вирус проявился среди обычного населения и стал распространяться, особенно после того, как Бельгийское Конго обрело независимость 30 июня 1960 года и стало называться Демократической Республикой Конго. Тогда вирус укоренился и образовал вторичные очаги заражения, начав свое неотвратимое распространение на юг и восток Африки, а также в регионы южнее Сахары.

И вскоре он разошелся по всему миру.

Глава 3

Ищи себе счастье в счастье для всех.

Заратустра

Четырнадцатого декабря 1908 года – того самого года, когда вирус иммунодефицита обезьян, впоследствии мутировавший в ВИЧ, передался от

шимпанзе к охотнику в Конго, – в маленьком индийском городе к северу от Бомбея родился мальчик весом 2,8 кг. Родители нарекли младенца именем Боми, а его фамилия – Булсара – происходила от названия города Булсар (ныне Валсад), в котором он появился на свет.

Боми родился в семье парсов – так называют группу религиозных последователей иранского пророка Заратустры. Парсы, что на фарси означает «персы», эмигрировали в Индию из Ирана в VIII веке, чтобы избежать жестоких религиозных преследований со стороны мусульман, и осели главным образом в Бомбее и в городках и деревнях к северу от него.

Развив свою прирожденную способность к коммерции, парсы восприняли европейское влияние на Индию, и в течение XIX века стали богатой общиной благодаря железнодорожной и судостроительной промышленности Бомбея. Семья Булсара, однако, жила не в процветающем Бомбее, а почти в 200 км к северу, в штате Гуджарат. Единственным источником дохода для большинства местных жителей здесь был сбор манго в многочисленных садах, усеивающих окрестности. Поэтому община парсов в Гуджарате была далеко не богатой, и многим молодым людям из региона приходилось искать работу в других местах – не только в Индии, но и за ее пределами.

Боми, один из восьми братьев, не стал исключением. Денежные трудности вынудили его, вслед за братьями, в поисках работы уплыть из Индии за 5000 км – через океан, в страну с экзотическим названием Занзибар.

С работой Боми повезло: сразу же по прибытии он получил место кассира Верховного суда при британском правительстве в Каменном городе[8 - Старейший район города Занзибара. – Прим. пер.]. Он быстро и с комфортом обосновался на острове, посвятив себя работе и усердному, но неспешному выстраиванию привилегированного образа жизни. Однако ему хотелось завести семью, чтобы было с кем разделить безбедную жизнь: ведь на Занзибар он прибыл холостым одиночкой. По работе Боми часто ездил в командировки по всему Занзибару и Индии. Во время одной из таких поездок на родину он познакомился с Джер, элегантной девушкой в очках, младше его на 14 лет. Это была любовь с первого взгляда, и вскоре они поженились в Бомбее. После этого Джер покинула свою семью и последовала за мужем на запад через Индийский океан – на Занзибар, где они надеялись вырастить детей.

Молодожены жили в двухэтажной квартире, в которую вел лестничный пролет с оживленной улицы Шангани в Каменном городе, что на западной стороне острова. Уровень жизни семьи Булсара был ощутимо выше, чем у других занзибарцев: зарплата Боми позволила им нанять прислугу и даже купить небольшой семейный автомобиль. Почти 60 лет спустя Джер Булсара вспоминала, что это была «беззаботная жизнь»[9 - Газета The Times от 2 сентября 2006 г.].

В четверг, 5 сентября 1946 года, в парсийский Новый год, в правительственной больнице в Каменном городе у семьи Булсара родился первенец. Мальчика, весившего при рождении 3 кг, нарекли именем Фаррух Булсара. Одна из двоюродных сестер Фарруха, Первиз Даруханавалла, вспоминала: «Когда он был совсем маленьким, лет трех-четырех от роду, – его мать, уходя на работу, оставляла его с моей матерью, потому что она была домохозяйкой, а у него родители оба работали»[10 - Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.]. В разговоре с писательницей Лесли-Энн Джонс Первиз вспоминала: «Он был совсем маленьким, такой маленькой деткой. Еще совсем крохой он приходил ко мне домой со своими родителями. Они оставляли его с моей матерью и шли по своим делам. Повзрослев, он стал играть в нашем доме. Озорной был малыш. Я была гораздо старше его, и мне нравилось за ним присматривать. Он был очень милым мальчишкой»[11 - Freddie Mercury: The Definitive Biography by Lesley-Ann Jones (Hodder Paperbacks, 2012).].

С пятилетнего возраста Фаррух посещал Занзибарскую миссионерскую школу – заведение под руководством британских монахинь в Каменном городе. По словам его матери, Джер, еще мальчиком Фаррух проявлял интерес к музыке и выступлениям: «Он любил слушать пластинки, а затем петь – любую музыку: народную, классическую или индийскую»[12 - The One Show, телепередача BBC, от 16 сентября 2011 г.]. Когда родители маленького Фарруха посещали различные торжества или вечеринки, он сопровождал их. Стало традицией, что на этих мероприятиях его просили что-то спеть. Всегда готовый услужить или даже показать себя, мальчик охотно запевал и гордился тем, что смог осчастливить всех своим пением в столь юном возрасте.

В 1952 году родилась сестра Фарруха, Кашмира. «Ему было шесть лет, когда я родилась, поэтому мы были вместе только год. Но я всегда знала, что мой гордый старший брат меня защитит», – вспоминает она[13 - Газета The Mail on Sunday от 26 ноября 2000 г.]. Кашмира говорила, что провела с Фаррухом только

год, потому что в феврале 1955 года родители отправили его в школу-интернат в Индии. Это было в День святого Валентина, вскоре после проведения церемонии навджот – ритуала очищения у парсов, которым Фаррух был посвящен в зороастризм. Его зачислили в школу Св. Петра – закрытую английскую школу в Панчгани. Это учебное заведение было основано в 1902 году и стало престижным в последние десятилетия британского правления. Школа находилась почти в 5000 км от Занзибара, так что в ближайшие несколько лет, вплоть до 1963 года, Фаррух мог видеться с родителями всего раз в год – лишь месяц летом, когда он приезжал домой.

Путь в новую школу начался для Фарруха с морского путешествия от Занзибара до Бомбея, в которое он отправился вместе с родителями. Судно останавливалось в Момбасе и на Сейшельских островах, прежде чем прибыть в Индию, откуда они отправились в Бомбей, а затем и в Панчгани. На следующие несколько лет школа с девизом „Ut Prosim“ (лат. «Чем я могу служить») станет домом Фарруха.

«Я плакала, когда мы уезжали, а он запросто влился в компанию остальных мальчишек, – вспоминает Джер Булсара. – Он был очень доволен и отнесся к происходящему как к приключению, ведь в этой школе были и дети наших друзей»[14 - Газета The Times от 2 сентября 2006 г.].

Был ли молодой Фаррух действительно счастлив и считал ли свою новую жизнь в школе-интернате приключением, трудно сказать. Любому восьмилетнему ребенку, отправленному в школу за 5000 км от семьи, наверняка было непросто приспособиться к новой обстановке – не только вначале, но и в последующие годы. В своей книге «Их становление: британское отношение к детям и система школ-интернатов» (Lone Arrow Press, 2000) автор Ник Даффелл утверждает, что отправка ребенка в закрытую школу в возрасте восьми лет равносильна жестокому обращению с детьми. Он говорит, что получил тысячи писем от людей, которые чувствуют, что им нанесен ущерб из-за отправки в интернат в детстве. «Они не умеют строить отношения с другими людьми, – поясняет Даффелл. – Детей этого возраста должны воспитывать люди, которые их любят. Учителя, какими бы хорошими они ни были, не могут дать им этой любви. У детей в этом возрасте нет ни эмоционального интеллекта, ни зрелости, необходимых, чтобы справиться с этим чувством утраты. Их личность формируется по типу „оперативного выживания“. Внешне они выглядят компетентными и самонадеянными, внутри же они закрыты и не уверены в себе. Многие из них испытывают неуверенность до конца жизни»[15 - Газета Daily Mail

от 11 февраля 2010 г.].

Спустя годы, когда Фаррух Булсара стал Фредди Меркьюри, в интервью он редко заговаривал о школьных годах, проведенных в индийском интернате. Одним из лучших друзей Фредди в зрелом возрасте был певец и звезда вест-эндских театров Питер Стрейкер, но даже с ним Фредди редко говорил о своем детстве. «У меня сложилось впечатление, что он не слишком вдавался в подробности, потому что в детстве учился в Индии и не хотел, чтобы его считали индийцем, – предполагает Стрейкер. – Сейчас это не имеет значения, но в то время все было по-другому. Он всегда говорил, что он перс. Ему нравилось так думать, потому что это более экзотично – будь ты звезда рок-н-ролла или профессиональный борец»[16 - Интервью Питера Стрейкера, взятое автором этой книги в январе 2016 г.].

Редким случаем, когда Фредди публично говорил о своей учебе, было интервью 1974 года. Когда его спросили о школьных годах, он был непреклонен: «Принадлежали ли мои родители к высшему классу и много ли денег они в меня вложили? Был ли я избалован? Нет. Мои родители были очень строгими. Я не был единственным ребенком, у меня есть сестра, и я был в школе-интернате девять лет и редко видел своих родителей. Этот опыт очень помог мне тем, что я научился отвечать за себя»[17 - Интервью с Фредди Меркьюри для New Musical Express, март 1974.].

В другом интервью 1974 года, когда речь зашла о школе, Фредди повторил: «Мои родители думали, что обучение в закрытой школе пойдет мне на пользу, поэтому они отправили меня в одну из таких школ, когда мне было семь, дорогуша. Оглядываясь назад, я думаю, что это было замечательно. Вы учитесь беречь себя и нести ответственность»[18 - Журнал Melody Maker, декабрь 1974 г.].

Естественно, обстановка закрытой школы иногда связывается с травлей и сексуальным насилием, а такие действия могут повлиять на формирование личности и дальнейшую взрослую жизнь. Юнгианский психоаналитик, психотерапевт, супервизор, доктор наук Джой Шаверен считает, что психологический ущерб, наносимый детям и особенно мальчикам в школах-интернатах, в первую очередь заключается в чувстве утраты, когда семья подменяется множеством незнакомцев того же пола. По мнению исследовательницы, такая травма может существенным образом повлиять и на сексуальное развитие. Она пишет: «Тепло можно найти и среди доступного

окружения, тогда формируется новое братство или сестринство. Сексуальные эксперименты могут приносить утешение, но также ведут к насилию. Это может привести к искажению формирующейся сексуальной идентичности, и некоторые мальчики начинают сомневаться в своей первоначальной сексуальной ориентации. В то время как ребенок приобщается к радостям гомосексуальности, учебное заведение объявляет их опасными. Это может побудить человека скрывать свою гомосексуальность – или провозгласить себя гетеросексуальным и решительно открещиваться от гомосексуальности»[19 - ‘Boarding School: The Trauma of the “Privileged” Child‘ by Joy Schaverien (Journal of Analytical Psychology, 49, 2004, pp. 683–705).].

Получил ли Фаррух подобный опыт сексуального развития в школе Св. Петра и если да, то повлияло ли это на его дальнейшую сексуальную ориентацию, мы не знаем. Позже в своих интервью Фредди почти не касался темы травли и сексуальности в школе-интернате. Но в интервью для журнала NME, сделанном в марте 1974 года, он все же кратко прокомментировал тему насилия в школе, когда его спросили о жестоком поведении и гомосексуальных похождениях: «Глупо утверждать, что в школах-интернатах такого нет. Все, что о них говорят, более-менее правда. Вот эта травля и все прочее. Меня преследовал один странный учитель. Меня это не шокировало, потому что в закрытой школе не сталкиваешься с этим внезапно, ты узнаешь обо всем постепенно. Это часть жизни». Когда его спросили, был ли он симпатичным мальчиком, с которым все хотели переспать, Фредди ответил: «Как ни странно, да. Каждый через это проходит. Меня считали заядлым гомиком». А в ответ на вопрос: «А вас нагибали?» Фредди ответил: «Ах ты, хитрая корова. Скажем так, были времена, когда я был молодым и зеленым. Со школьниками это случается. Я тоже участвовал в школьных шалостях. Подробности опущу»[20 - Интервью с Фредди Меркьюри для New Musical Express, март 1974 г.].

Питер Патроа, преподававший в школе Св. Петра математику, когда там учился Фаррух, вспоминает, что уже в этом учебном заведении проявления гомосексуальности Фредди Меркьюри были на слуху. «Гомосексуальность есть в любой школе, – сказал Патроа в 2008 году. – Она, конечно, имела место и в интернате Св. Петра, когда Фредди там учился. На момент переезда в Мумбаи мальчик, по-видимому, был близок с одним парнем. Его отцу об этом сообщили, и он, я уверен, очень огорчился. Эта была строго религиозная семья в нескольких поколениях, а зороастрийцы категорически запрещают гомосексуальные отношения»[21 - Газета Hindustan Times от 30 августа 2008 г.].

Учительница из Панчгани Джанет Смит, которая жила в школе Св. Петра, пока ее мать преподавала у Фредди изобразительное искусство, тоже была убеждена, что признаки его гомосексуальности были очевидны довольно рано: «Было заметно, что Фредди отличается от других мальчиков. Он бегал повсюду, называя всех „дорогушами“, и часто был крайне взбудоражен. В то время мы не понимали, что такое гей. Однажды я спросила у мамы, почему он такой, и она просто сказала мне, что некоторые люди другие»[22 - Там же.].

Первое время в школе Фаррух был ужасно застенчив. Он стыдился своих верхних резцов, которые заметно выступали вперед – у него было четыре лишних задних зуба, увеличивающих голосовой диапазон. Товарищи даже дали ему кличку «Бобер». Однако вскоре у него появилось новое имя: учителя стали ласково называть его «Фредди». Он немедленно подхватил это имя, и с того момента Фаррух Булсара стал Фредди Булсарой.

Как бы далеко Фредди ни был от родителей, вскоре он преодолел тоску по дому и погрузился в школьную жизнь, особенно занятия спортом. «В школе большое внимание уделялось спорту, и я занимался всеми его видами. У меня был бокс, крикет и настольный теннис, в них я был действительно хорош», – позже вспоминал Меркьюри[23 - The Show Must Go On: The Life of Freddie Mercury by Rick Sky (Citadel Press, 1997). (Скай Р. Фредди Меркьюри. – М.: Мирт, 1993.)]. Он также был достаточно силен в спринте и хоккее, которые его мать одобряла больше, чем бокс. «Фредди блистал во всех видах спорта. Но когда я узнала о боксе, я написала ему из Занзибара, где мы тогда жили, чтобы он прекратил им заниматься. Мне это не нравилось, я считаю бокс слишком жестоким», – вспоминает она[24 - Queen – As It Began: The Authorized Biography by Jacky Gunn and Jim Jenkins (Sidgwick & Jackson, 1992).].

Одиннадцатилетний Фредди выиграл школьный кубок за юношеское многоборье в 1958 году. Невероятно гордясь своими достижениями, он написал о них родителям:

«Дорогие мама и папа, надеюсь, у вас все хорошо и простуда Кашмиры прошла. Не волнуйтесь, я в порядке. Мы с друзьями здесь просто как вторая семья. Учителя очень строгие, и дисциплина в школе Св. Петра – самое главное. Я счастлив сообщить, что получил награду как лучший многоборец среди юношей. Мне вручили большой кубок и даже сфотографировали для школьного ежегодника. Я очень горжусь собой и надеюсь, что вы мной тоже. Обнимите от меня Кэш. Люблю свою сестренку, как и всех вас. Фаррух»[25 - Документальный

фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.].

Несмотря на успехи в спорте, Фредди больше привлекали другие предметы – изобразительное искусство, литература и, конечно, музыка. Еще в Занзибаре родители познакомили его с музыкой – главным образом, оперной, – но он развил в себе вкус и к западной поп-музыке, особенно к фортепианному рок-н-роллу таких артистов, как Литл Ричард и Фэтс Домино. В школе Св. Петра Фредди пел в хоре и участвовал в нескольких театральных постановках, а также открыл для себя записи Латы Мангешкар, одной из самых известных и уважаемых в Индии закадровых певиц. Закадровые певцы озвучивали песни к фильмам за актеров и актрис, исполнявших роли. Фредди увлекся Мангешкар после того, как посетил один из ее бомбейских концертов в ноябре 1959 года. Два года спустя она приехала в школу Св. Петра и выступила на летнем празднике перед Фредди и остальными учениками.

Что касается пения Фредди, то первым человеком, который оценил его природную музыкальную одаренность, была Шеру Хори, его тетя по матери. «Однажды, лет в девять, он прибежал к нам на завтрак, – вспоминала она. – В доме работало радио, а когда мелодия закончилась, он сел к пианино и сыграл ее. Я подумала, что должна организовать ему уроки музыки. У него был хороший слух»[26 - Там же.]. Она уговорила родителей Фредди платить за частные уроки. Позже Фредди смог сдать экзамены за 5 класс по теории и практике, и 7 ноября 1958 года получил свой сертификат на ежегодном школьном празднике, сопровождавшимся вручением наград. «Я занимался фортепиано в школе, – потом вспоминал Фредди, – и мне это очень нравилось. Это все благодаря моей матери. Она позаботилась о том, чтобы я не бросил»[27 - The Show Must Go On: The Life of Freddie Mercury by Rick Sky (Citadel Press, 1997). (Скай Р. Фредди Меркьюри. – М.: Мирт, 1993.)].

В 1958 году Фредди создал свою первую группу. К тому времени он хорошо подружился с четырьмя учениками школы Св. Петра: Брюсом Мюрреем, Фарангом Ирани, Дерриком Браншем и Виктори Раной. Все они были поклонниками Элвиса Пресли. Пятерка решила создать группу и начала использовать кабинет по изобразительному искусству как студию для репетиций. Назвав себя The Hectics («Чахоточные»), они принялись барабанить собственную примитивную версию рок-н-ролла. Для того, кто станет одним из самых колоритных и экспрессивных музыкальных исполнителей, Фредди занимал в той группе на удивление скромное положение. Он играл на

фортепиано в характерном для себя стиле буги-вуги и подпевал Брюсу Мюррею, который исполнял роль вокалиста.

«Мы хотели всего лишь произвести впечатление на обитательниц соседней девичьей школы, – вспоминал Мюррей. – Мы пели такие хиты, как „Tutti Frutti”, „Yakkety Yak” и „Whole Lotta Love”. Фредди был чудесным музыкантом. Он мог исполнить все что угодно. У него был дар прослушать песню по радио один раз и затем сыграть ее. Остальные из нас просто поднимали жуткий шум на дешевых гитарах, барабане и старом ящике из-под чая, который мы переделали в бас-гитару с одной струной. Но группа свою цель выполнила: девчонкам мы правда нравились»[28 - ‘Going Ga Ga’ by Anvar Alikhan, Outlook Magazine, 14th November 2011.].

The Hectics, одетые в рок-н-ролльную униформу, – белые рубашки, черные галстуки, брюки со стрелками и напомаженные волосы – вскоре стали звездами школьных мероприятий. Они также обрели популярность среди населения Панчгани, где они прославились как The Heretics («Еретики»), потому что слишком выделялись для того времени. Но когда Фредди покинул Панчгани и школу Св. Петра 25 февраля 1963 года, провалив экзамены за 10 класс, группа распалась. Фредди отправился на Занзибар навстречу неясному будущему.

Глава 4

Вернувшись в Занзибар к родителям, Фредди поступил в школу в Каменном городе, пытаясь закончить образование и параллельно ловя любые отзвуки поп-культуры, попадавшие на остров. Западный мир, с его музыкой и модой, неизменно притягивал к себе юного Фредди Булсару. Об этом прекрасно знала его мать, Джер: «Он очень хотел попасть в Англию. Подростком он знал обо всем в западных странах, она манила его»[29 - BBC Online, 20 ноября 2009 г.]. Для проживающего с родителями школьника, учившегося полный день, в начале 1960-х годов шансов осуществить свои мечты и отправиться в Англию было довольно мало. Но в Занзибаре назревали важные события, которые вскоре привели к массовым беспорядкам, а в конечном итоге – к тому, что семья Булсара, гонимая смертельной опасностью, бросила все и сбежала в Великобританию.

В начале 1960-х годов культурное наследие Занзибара было чрезвычайно богатым благодаря этническому разнообразию его населения. Веками торговые пути из Африки, Азии и Ближнего Востока сходились в Занзибаре, привнося в страну различные влияния. Теперь, в начале десятилетия, напряженность между этническими группами обострилась: арабское население, хоть и занимало пятую часть населения Занзибара, доминировало и в политике, и в экономике. В 1963 году, когда Великобритания даровала Занзибару независимость, в стране прошли выборы, стравившие «Партию Афро-Ширази» и «Националистическую партию Занзибара» султана Джамшида ибн Абдуллы. Последняя победила, набрав на выборах 54 % голосов, но это только усилило досаду среди темнокожего населения: вскоре последовал переворот во главе с самоназначенным фельдмаршалом Окелло. Окелло считал, что он был избран богом, чтобы отобрать власть у арабов. Двенадцатого января 1964 года при поддержке угнетенного африканского большинства революционеры прорвались в Каменный город.

Семья Булсара в то время еще жила в квартире в Каменном городе и была наслышана о убийствах и мародерствах, совершаемых Окелло и его революционерами по всему Занзибару. И арабы, и азиаты были в опасности. Джер Булсара вспоминает этот период: «Было очень страшно. Все метались и не знали, что делать. И поскольку у нас были маленькие дети, мы тоже должны были что-то решить. Нам пришлось покинуть страну»[30 - Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.].

Собрав в два чемодана все пожитки, которые можно было увезти с собой, семья бежала из Занзибара. Они могли отправиться в Индию, но так как отец Фредди, Боми Булсара, работал на британское правительство в Занзибаре и у него был британский паспорт, они решили лететь в Англию. В мае 1964 года Боми, Джер, Фредди и его младшая сестра Кашмира прибыли в аэропорт Хитроу.

Они обосновались в доме с четырьмя спальнями по адресу: Глэдстоун-авеню, 22, в Фелтеме – маленьком городке на западе лондонского боро[31 - Боро – административная единица Лондона районного уровня. – Прим. ред.] Хаунслоу, прямо под воздушными путями аэропорта Хитроу. Фредди был очень рад, что наконец добрался до Лондона, но его родителям жилось несладко. На Занзибаре они привыкли к безбедной жизни с прислугой, не говоря уже о тропическом климате. А теперь в тускло-сером лондонском небе у них над головами без конца шумели самолеты. Да и сама Британия в начале 1960-х годов была не самым

гостеприимным местом для иммигрантов.

С конца 1940-х годов численность темнокожего и азиатского населения в Великобритании выросла за счет миграции из стран Карибского бассейна, а также из Индии, Пакистана и Бангладеша. Стало нарастать недовольство, межрасовые отношения и иммиграция сделались серьезной внутриполитической проблемой. Летом 1958 года в лондонском Ноттинг-Хилле произошел расистский погром, в ходе которого был убит молодой темнокожий – 32-летний Келсо Кокрейн. А в 1964 году, в год прибытия семьи Булсара в Великобританию, в рамках всеобщих выборов прошли печально известные дополнительные выборы в Сметвике, в ходе которых расовые вопросы обострились настолько, что позднее в том же году был сформирован британский филиал Ку-клукс-клана. В это непростое время Боми и Джер Булсара решили особо не выделяться и постараться обеспечить свою семью как можно лучше, пока жизнь в Великобритании не наладится. Оказалось, что расходы здесь выше, и работать пришлось обоим родителям. Боми нашел работу бухгалтера в местной кейтеринговой компании, а Джер устроилась в магазин Marks & Spencer.

Для Фредди Булсара, стоявшего на пороге восемнадцатилетия, восторг, вызванный долгожданным переездом в Англию, омрачался тем, что он оказался на распутье. Его учеба в Индии и Занзибаре была провальной, но он рвался учиться в Лондоне – в местной художественной школе. Однако его родители хотели иного – они были убеждены, что ему нужна более перспективная и надежная карьера. «Он знал, что мы хотим, чтобы он стал адвокатом или бухгалтером или кем-то в этом роде, как большинство его двоюродных братьев и сестер, – объясняет Джер Булсара. – Но он отвечал: „Я не такой умный, мама. Я не такой умный»[32 - BBC Online, 20 ноября 2009 г.]. Чтобы казаться чем-то занятым, Фредди заполнял заявки о приеме на работу, но в глубине души надеялся, что его никуда не возьмут.

Его желание поступить в художественную школу было вызвано не столько страстью к изучению живописи, скульптуры или работы с текстилем, сколько решимостью следовать по пути, который до него избрали многие английские звезды поп-музыки. Еще в Занзибаре он читал в редких на острове западных журналах, что для будущих звезд поп-музыки было почти традицией сначала посещать художественную школу. Тогда он выбрал Технический и художественный колледж в Илинге, который окончили такие знаменитости, как Ронни Вуд, Роджер Раскин Спир и Пит Таунсенд. «Он часто говорил о том, – вспоминает мать Фредди, Джер, – что столько выпускников художественного

колледжа занимались поп-музыкой. Я тогда на это не обращала внимания, думала – ну, бывает, посмотрим, что получится»[33 - Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.].

Однако из-за того, что в Индии и Занзибаре Фредди не преуспел в учебе, у него не было оценок, необходимых для поступления в Илинг. Единственным доступным вариантом было прохождение базового курса в другом учебном заведении. В тридцати пяти минутах езды на автобусе от дома Фредди в Фелтеме находился Айлвортский политехнический колледж, где в сентябре 1964 года он приступил к изучению базового художественного курса. Здесь он надеялся получить аттестат с отличием, нужный для поступления в Илинг.

Хотя Фредди Булсара пока не добился желаемого, он уже добрался до Лондона, причем в самое подходящее время. То была эпоха The Beatles, The Kinks и The Rolling Stones, а также Mods and Rockers, доносящихся со всех приморских курортов. Тогда «Радио Кэролайн» вело трансляции из территориальных вод Великобритании, а на «Би-би-си» только начали транслировать хит-парад лучших поп-песен Top of the Pops («Вершина популярности»). Здесь Фредди впервые ощутил себя причастным к происходящему. Он твердо решил в полной мере использовать возможности, которыми одарила его судьба.

Он тогда не подозревал, что в городе Фелтем, всего в нескольких кварталах от семьи Булсара, живет семнадцатилетний студент-физик. Этот юноша был увлеченным гитаристом, но не мог себе позволить вожделенную электрогитару Fender Stratocaster, о которой давно мечтал. Оставалось только сделать гитару самому. И вот, в течение 18 месяцев, с помощью отца он изготовил электрогитару в полном соответствии с желаемыми характеристиками.

Несколько лет спустя Фредди познакомится с этим юным кудесником-гитаристом в какой-то случайной компании в Лондоне. Этот день станет поворотным моментом в истории музыки. Жизнь Фредди Булсары и ход истории поп-культуры навсегда изменятся, ведь эта встреча приведет к основанию группы Queen.

Глава 5

Примерно в то же время, когда семья Булсара бежала из Занзибара, чтобы начать новую жизнь в Лондоне, ВИЧ, перешагнув границы Африканского континента, стал распространяться по всему миру.

Десятки лет, с момента передачи вируса от шимпанзе к человеку примерно в 1908 году, болезнь оставалась в пределах Республики Конго. В июне 1960 года страна получила независимость от Бельгии, а затем избавилась от названия Бельгийского Конго. Как раз в тот год, когда Бельгия отказалась от своих интересов по управлению регионом, стал решающим и ключевым моментом в середине XX века, когда ВИЧ начал свое глобальное распространение.

Именно стремление великих западных держав освоить богатства западной части Африки и привело к ситуации, способствующей распространению ВИЧ-инфекции за пределы «Черного континента». Желающие прибрать к рукам регион Конго – с его слоновой костью, каучуком и алмазами – построили сеть железных дорог, необходимых для интенсивной индустриализации. Это создало идеальную среду для распространения вируса. Киншаса (бывший Леопольдвиль) быстро обзавелась лучшей среди всех африканских столиц сетью связей – а значит, сделалась идеальным проводником для быстрой передачи инфекции. К 1948 году более миллиона человек ежегодно проезжали через Киншасу по железной дороге, невольно способствуя разнесению вируса ВИЧ-1 по всей стране. Здесь в какой-то момент, между концом 1930-х и началом 1950-х годов, вирус вышел за пределы эпицентра.

Признаки распространения вируса были очевидны, но пока никто не знал, что это и как его искать. Еще в 1930-х годах доктор Леон Пале, французский военный врач, наблюдал за ростом смертности среди мужчин, задействованных на стройке железной дороги Конго – Океан. Проведя ряд вскрытий, он обнаружил у 26 покойников истощение, которое назвал «майомбской кахексией». Это состояние, названное в честь джунглей Майомбе, где погибли эти мужчины, включало поражение мозга, увеличение лимфатических узлов в кишечнике и ряд других симптомов, которые впоследствии будут связываться с ВИЧ. Но в 1930-е годы это был еще один неизученный тропический недуг.

Таким образом, ВИЧ мог очень быстро распространяться по Демократической Республике Конго – стране размером с Западную Европу – в результате расширения железнодорожной сети и, в меньшей степени, развития водных путей. Изменившиеся у населения сексуальные привычки – в частности, рост проституции – также сильно способствовали тому, что вирус привел к пандемии.

Социальные перемены, связанные с получением независимости в 1960 году, также сыграли роль. Исследование доктора Нуно Фариа с кафедры зоологии Оксфордского университета подтверждает, что в том году «вирус вырвался за пределы небольших групп инфицированных людей, чтобы заразить более широкие слои населения и в конечном счете весь мир»[34 - ‘The Early Spread and Epidemic Ignition of HIV-1 in Human Populations’ by Dr Nuno Faria, Science Journal, October 2014.].

Помимо медицины и создания инфраструктуры, самым эффективным способом распространения вируса был секс. Проституция в Демократической Республике Конго процветала, благодаря строительству автомобильных и железных дорог и развитию промышленности. Среди строителей, шахтеров и руководителей, наводнивших регион в поисках работы, мужчины были в большинстве (в Киншасе – в пропорции два к одному), и все они посещали проституток. А те, обслуживая большое количество клиентов и практикуя небезопасный секс, невольно помогали заразе охватывать город. Отсюда инфекция перешла в соседние регионы по тем самым дорогам, которые и строили зараженные рабочие. Исследование, проведенное журналом Science, показало, что медицинские программы и рост проституции способствовали быстрому распространению ВИЧ из Киншасы, так как инфицированные люди путешествовали по свежепостроенным железным и проезжим дорогам, а также по привычным водным путям. К 1937 году ВИЧ продвинулся на 6,5 км от Киншасы до близлежащего города Браззавиль. К 1946 году он уже достиг Бваманды, преодолев еще 940 км, а к 1953 году – Кисангани, находящегося в 1150 с лишним милях от Киншасы. Авторы исследования утверждают, что к 1960 году распространение вируса в Западной Африке приняло экспоненциальный характер, хотя этого пока никто не осознавал[35 - ‘HIV’s Spread Traced Back to 1920s Kinshasa’ by Monte Morin, Los Angeles Times, 10th October 2014.]. Можно только предполагать, сколько африканцев умерло от этой болезни, – возможно, около 200 млн за 80 лет.

Затем, примерно в середине 1960-х годов, ВИЧ пересек Атлантику и попал на Гаити. Катализатором этой передачи вируса стал еще один жест доброй воли, который имел весьма печальные последствия. Когда в 1960 году Демократическая Республика Конго обрела независимость, большинство бельгийских чиновников (если не все из них) поспешно покинули регион, оставив за собой опасный вакуум в центре новорожденной республики.

Чтобы заполнить эту пустоту, ЮНЕСКО отправила тысячи гаитянских учителей и управленцев в Африку, в частности в Демократическую Республику Конго. Большая часть из них обосновалась в Киншасе. Эти идеальные кандидаты на то, чтобы занять освобожденные бельгийцами места, были франкоязычными, образованными, темнокожими и готовыми с радостью покинуть Гаити и жестокую диктатуру «Папы Дока» (Франсуа Дювалье). Недели, месяцы или годы проработав в Западной Африке в таких странах, как Демократическая Республика Конго, Ангола и Камерун, они возвращались на родину. Именно в 1964 году, когда эти специалисты вернулись домой, штамм вируса ВИЧ-1 достиг Гаити.

Эти временные рамки точно соответствуют перемещениям тысяч гаитян, которые в 1960 году отправились на работу в Африку и вернулись на родину в середине-конце 1960-х и начале 1970-х годов, когда Заир (как стала называться Демократическая Республика Конго в 1971 году) завершил подготовку местных национальных руководителей. Массовый исход гаитян из центральной Африки начался после 1968 года, хотя многие из них к тому времени уже вернулись домой. В 1998 году Дж. Ф. Молез написал статью для American Journal of Tropical Medicine, в которой говорится: «Медицинские исследования, проведенные на Гаити с 1985 по 1988 год, и клинические наблюдения сообщали о смертях отставных гаитянских руководителей, которые жили и работали в Заире, а затем вернулись на Гаити (и проживали там в течение 10–15 лет), предположительно вызванные СПИДом». Учитывая, что в 1980-х годах продолжительность жизни с момента заражения ВИЧ до смерти от СПИДа составляла от семи до десяти лет, эти даты идеально согласуются с теорией о том, что примерно в 1970 году Гаити пережил собственную эпидемию СПИДа после возвращения своих граждан, работавших в Заире, в конце 1960-х годов.

Но распространение вируса на Гаити происходило не только за счет половых контактов, будь они гетеросексуальными или гомосексуальными. Кое-что еще усугубляло проблему – конечно, никому на тот момент не известную. Доктор Жак Пепин утверждает, что одним из факторов быстрого распространения ВИЧ в Гаити был центр сбора плазмы в Порт-о-Пренсе. Это учреждение проработало всего два года, с 1971 по 1972, но славилось очень низким уровнем гигиены. В те годы гаитянским беднякам предлагалось продавать плазму крови для США за смехотворные суммы, поскольку Америка отчаянно нуждалась как в самой плазме для переливания, так и в содержащихся в ней белковых элементах, таких как гамма-глобулин для прививок против гепатита. США, по-видимому, не могли удовлетворить потребности в плазме из-за дефицита здоровых доноров, готовых сдавать кровь. Одной из причин было то, что большинство американцев

были слишком обеспеченны, чтобы соблазниться сдавать кровь, тогда как нищие гаитяне с радостью рвались сдавать кровь по 3 доллара за процедуру.

Компании Hemo-Caribbean удалось подписать десятилетний контракт с министром внутренних дел Гаити Люкнером Камбронном, прозванным «Карибским вампиром», – лидером, вселяющим страх «тонтон-макуты», тайной полиции[36 - Некролог на смерть Люкнера Камбронна, газета The Independent, 5 октября 2006 г.]. Компания Hemo-Caribbean применяла относительно новую процедуру: донор сдавал литр крови, из нее выбиралась плазма с янтарной кислотой, а то, что оставалось, вводилось обратно в организм донора. И все это за 3 доллара. Оплату могли увеличить до 5 долларов, если донор был готов к вакцинации против столбняка – она делала его плазму более ценной, позволяя получить новые порции материала для прививок. После этого в вены доноров вливались остатки взятой у них крови, чтобы они могли снова сдавать плазму, не заработав себе анемию.

В этот процесс закралась катастрофическая ошибка: кровь бесчисленных доноров непреднамеренно смешивалась между собой в аппарате для плазмафереза, прежде чем ее возвращали обратно в их вены. Это приводило к возможности заражения каждого донора – а значит, и реципиента – любым передающимся через кровь вирусом, носителем которого являлся донор… Например, ВИЧ.

Но компания Hemo-Caribbean, по-видимому, была полностью довольна своим методом сбора плазмы. В интервью для New York Times от 28 января 1972 года Джозеф Б. Горинштейн, рассказывая о своих методах, с непринужденной беспечностью заявил, что плазма, которую обрабатывала его компания, была «чертовски чище, чем та, что приходит из трущоб некоторых американских городов».

Только в 1972 году президент Ричард Никсон попросил провести расследование деятельности компаний, занимающихся донорской кровью в США, но пока без проверки на ВИЧ, так как вирус еще не стал общепризнанной проблемой. Вирус циркулировал на Гаити и, скорее всего, уже попадал в США либо с зараженной плазмой, либо с каким-то одним зараженным иммигрантом, который прибыл в один из больших городов – скажем, Нью-Йорк или, скорее, Майами, находящийся всего в тысяче километрах от Гаити.

Этот подтип вируса, занесенный в США за счет единичной миграции, исследователи называют «пандемической кладой». Его прибытие в Америку стало поворотным моментом в истории пандемии ВИЧ. Единичной миграцию вируса называют только в том случае, если он успешно приживается. Возможно, и до этого люди с ВИЧ приезжали в США и даже успели заразить несколько человек, но эта линия распространения инфекции оборвалась сама собой. Предполагают, что единичный случай успешного заражения произошел между 1969 и 1972 годами. Это соответствует общей картине последующей эпидемиологии ВИЧ в США, поскольку первые случаи СПИДа были зарегистрированы примерно через десять лет после того, как ВИЧ предположительно попал в страну из Гаити. Именно такой временной интервал необходим, чтобы заражение ВИЧ-инфекцией привело к развитию СПИДа и смерти больного[37 - ‘Exodus & Genesis: The Emergence of HIV-1 Group M Subtype B’, Oral presentation by Dr Michael Worobey, 14th Conference on Retroviruses & Opportunistic Infections, Los Angeles, 2007.]. Как и в Конго в те десятилетия, когда еще не начались массовые путешествия (и колониальные медицинские программы с использованием полых игл), вирус затаился почти на десять лет, прежде чем его кто-то обнаружил.

В 1969 году в Сент-Луисе от неизвестной болезни умер подросток. Его смерть поставила в тупик врачей Вашингтонского университета и навела на мысль, что вирус СПИДа, возможно, уже неоднократно побывал в США еще до начала эпидемии 1980-х годов. Этого пятнадцатилетнего афроамериканца сначала называли Роберт Р., но затем выяснилось его полное имя – Роберт Рейфорд. Он явился в клинику в 1968 году, страдая от целого букета заболеваний, в том числе увеличения лимфатических узлов, отека ног, нижней части торса и гениталий. На протяжении 15 месяцев он лечился в трех различных больницах, но все больше слабел, резко терял в весе и страдал тяжелой формой хламидиоза. Никто из врачей, лечивших его в больницах, не мог поставить диагноз. В конце концов он скончался от бронхиальной пневмонии, а вскрытие показало, что все мягкие ткани его тела были поражены саркомой Капоши, которая впоследствии стала общеизвестным признаком заражения СПИДом.

Лишь в 1986 году врачи смогли провести специфичные анализы образцов тканей Роберта Рейфорда. Тестов было два: блоттинг его кровяной сыворотки (специальный тест на наличие антител к вирусу СПИДа), а также тест на антиген p24 – вирусный белок, который дополнительно подтверждает заражение. Оба теста дали положительный результат. Но важнее всего то, что это был не тот штамм, который уже был известен с конца 1970-х годов и вызывал СПИД по всему миру. Доктора остались в недоумении. Рейфорду

никогда не переливали кровь, он не принимал наркотики и никогда не выезжал из своего района, в котором даже не было зарегистрированных случаев заболевания. Эксперты сошлись на том, что несколько разных штаммов ВИЧ уже вторгались в разные страны, включая США, и в какой-то момент один из них укоренился и привел к пандемии. Возможно, что точно так же, как это было в Африке, люди в США уже заражались ВИЧ и умирали задолго до обнаружения вируса. Вот только тогда никто не связывал эти смерти со СПИДом просто потому, что никто не искал вирус, о существовании которого не мог знать[38 - ‘Boy’s 1969 Death Suggests AIDS Invaded US Several Times’ by Gina Kolata, The New York Times, 28th October 1987.].

Большая часть полученных данных указывает на то, что, хотя разные штаммы ВИЧ могли существовать в США и других частях мира до 1970-х годов, самый вероятный путь проникновения смертоносного ВИЧ-1 в Америку произошел через одиночную миграцию – в период с 1969 по 1972 год. Занесенный тогда штамм незаметно распространился по стране, в последующие годы при каждом удобном случае закрепляясь в различных слоях населения Америки.

«Вирус добрался до больных гемофилией через переливание крови, до наркоманов – через общие иглы. До геев он добрался половым путем, глубоко вторгаясь в их круги, губя любовников и знакомых», – предположил Дэвид Куаммен[39 - The Chimp and The River: How AIDS Emerged from an African Forest by David Quammen (W.W. Norton & Company, Inc., 2015).].

Около десяти лет он спокойно путешествовал от человека к человеку. Симптомы проявлялись медленно; смерть наступала намного позже. Никто не знал причину и не связывал между собой отдельные смерти.

В какой-то момент в 1970-х годах кто-то передал вирус канадскому бортпроводнику Гаэтану Дюга. Затем кто-то мог передать его голливудскому актеру Року Хадсону.

И где-то через десять лет после прибытия вируса с Гаити кто-то заразил им Фредди Меркьюри.

Глава 6

Двадцать четвертого мая 2006 года на лондонском аукционе «Бонхамс» был выставлен на продажу трехминутный рулон пленки формата «8 Супер», вызвавший живой интерес во всем мире. Лот 474, датирующийся примерно 1965 годом, обладал исторической ценностью: это был редкий, неопубликованный фильм с участием студента Айлвортского Политехнического колледжа Фредди Булсара.

В немом кино, снятом одним из друзей Фредди, Брайаном Фэннингом, участвует группа из шести молодых людей. Они то подходят к камере, то удаляются от нее, принимают театральные позы, сидят на скамейке в парке, курят или простирают руки к небу. Безмолвие добавляет фильму странности. Фредди, одетый в темно-красный блейзер, белую рубашку и синие брюки, выделяется своей застенчивостью. Он ни разу не улыбается – возможно, он сильно стыдится своих выступающих зубов. Пока он совсем не похож на того шоумена, каким он станет позже, хотя в движениях и жестах уже проявляются эксцентричный характер и некоторая манерность, особенно когда он смущенно усмехается, опуская подбородок к плечу и театрально поднимая руки к небу.

Фредди учился в Айлворте с 1964 по 1966 год, и попасть в школу искусств это ему, безусловно, помогло. Он уже сдал три экзамена основного уровня – по изобразительному искусству, истории и английскому языку, – а теперь еще и обязательный для поступления экзамен продвинутого уровня по искусству и моде. Но к тому же он обрел свободный доступ к моде, кинематографу, английской поп-культуре того времени и, конечно же, музыке.

Середина 1960-х годов стала поворотным моментом в развитии поп-культуры Великобритании. Как раз достигло совершеннолетия поколение беби-бумеров (британцев, родившихся во время всплеска рождаемости в конце 1940-х – начале 1950-х годов), а поп-культура, искусство и политика объединились, чтобы радикально изменить все слои британского общества. Впервые творческие круги стали искать одобрения масс, а не верхних эшелонов власти. The Beatles показали, что поп-музыка может одновременно быть искусством и получить огромную популярность, и знакомили массы с региональными акцентами. Такие фильмы, как «Дорогая» и «Сноровка», а также «Отвращение» Романа Полански с Катрин Денев в главной роли преобразили британское кино, а документальные картины вроде «Военной игры» ошеломляли зрителей демонстрацией ужасов ядерной атаки. В театральном мире Лондона дебютировала пьеса Фрэнка Маркуса «Убийство сестры Джордж», ставшая одной из первых ведущих британских постановок, в которых фигурировали лесбийские персонажи. Тогда

же на экраны вышел фильм Дирка Богарда «Жертва», вошедший в историю кино как первый фильм на английском языке, в котором прозвучало слово «гомосексуал».

Фильм «Жертва» стал важным социальным явлением, так как существенно способствовал либерализации общества (равно как и британских законов). Четыре года спустя лорд Арран предложил декриминализировать гомосексуальные контакты между мужчинами, что в конечном итоге привело к тому, что в 1965 году член парламента Лео Эбс предложил «Законопроект о сексуальных преступлениях». Еще через два года его приняли как «Акт о половых преступлениях», и с тех пор в Англии и Уэльсе гомосексуальные контакты между двумя мужчинами старше 21 года в условиях частной жизни перестали считаться преступлением. И, вдобавок ко всему, в 1965 году театральный критик Кеннет Тайнен вызвал возмущение общественности, произнеся слово „fuck” в эфире британского телеканала «Би-би-си 1».

Обучение в Айлвортском политехническом колледже и лондонская жизнь в «бурные шестидесятые» оказали жизненно важное влияние на преображение Фредди Булсара в Фредди Меркьюри. Он прибыл в Лондон вовремя: Булсара внимательно наблюдал и впитывал происходящее и, как сорока, подбирал все, что блистало в музыке, кино, танцах и моде. Бережно храня эти находки, в следующие десятилетия он станет вписывать их в свою музыку, свой стиль и свой облик. Конечно, он не был единственным, кто так делал. Уникальность состояла в том, что пока другие воровали или заимствовали из блюза, скиффла[40 - Скиффл – музыкальный стиль, сочетающий в себе элементы джаза, блюза и народных американских мотивов. – Прим. ред.] или рок-н-ролла, Фредди крал у Пуччини, Портера и Пресли. Именно эта беспорядочная культурная смесь, влившись в его композиции, сделала их чем-то выдающимся.

Но все это пока в будущем. А сейчас, в 1965 году, Фредди требовалось время, чтобы приспособиться и встать на ноги. Один из его самых близких друзей в Айлвортском политехническом, Адриан Морриш, вспоминает, что Фредди выделялся с самого начала: «Он одевался странно: коротковатые брюки-дудочки и старомодные куртки, которые ему были явно маловаты. Наверное, он привез эту одежду с собой из Занзибара или Индии. Он казался очень неотесанным, но отчаянно хотел вписаться»[41 - Is This The Real Life? The Untold Story of Queen by Mark Blake (Aurum Press Ltd., 2011).]. Его сестра, Кашмира, также помнит, что сначала у Фредди явно не было чувства стиля: «Фредди выделялся на фоне сверстников. В то время в моде были длинные растрепанные волосы, а когда мы

приехали, Фредди выглядел старомодно, в духе Клиффа Ричарда: с блестящими волосами, зачесанными назад. Такой у него был вид, что, когда мы куда-то ходили вместе или просто возвращались с автобусной остановки, я шла сзади, потому что не хотела, чтобы люди думали, что я с ним»[42 - Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.].

Стремление Фредди «вписаться» побудило его записаться в молодежный хор и театральную группу колледжа. Он даже участвовал в паре постановок – «Кухня» и «Спектр». Но главной его страстью оставалась музыка, и он потерял покой, пытаясь найти выход своему музыкальному потенциалу.

Вечерами и по выходным он ходил с друзьями в местные пабы, где они слушали выступления таких групп и исполнителей, как Род Стюарт и Долговязый Джон Болдри. Оттуда они порой захаживали на вечеринки, хотя Фредди пил мало и частенько уходил рано. Мало что выдавало в нем человека, который десятки лет спустя будет устраивать одни из самых разнузданных вечеринок в истории рок-н-ролла. И хотя ни один из его друзей по колледжу не помнит, чтобы в Айлворте Фредди встречался с девушками, никто не замечал никаких явных признаков того, что он гей. Он просто посещал занятия, немного дурачился с друзьями, подрабатывал чернорабочим – мыл посуду в аэропорту Хитроу, укладывал ящики на складе в соседней промзоне и даже позировал в качестве обнаженного натурщика по 5 фунтов за сеанс.

К моменту выпуска из Айлворта в 1966 году Фредди обрел уверенность в себе и чувствовал себя как дома. Более того, его чувство стиля заметно улучшилось: он сменил устарелую одежду, которую привез с собой из Занзибара, на богемные одеяния, характерные для Лондона 1960-х годов. Наконец Фредди Булсара начал вписываться в окружение.

В сентябре 1966 года Фредди поступил в Илингский художественный колледж на курс дизайна одежды. Все его мечты исполнились: он мог изучать искусство и следовать по стопам рок-музыкантов и поп-звезд, которые прошли тот же путь до него. Более того, он оказался в Лондоне в момент его наивысшего культурного расцвета и значимости. Чего еще он мог желать?

Скоро оказалось, что ежедневные поездки из Фелтема в Илинг довольно обременительны, поэтому Фредди стал ночевать на полу в квартире приятеля по колледжу Криса Смита, которую тот снимал по адресу: Эддисон-Гарденс, 42, в

Кенсингтоне. Хотя учеба в Илинге была его мечтой, Фредди вскоре разочаровался в выбранном курсе, где он тратил время на изучение печати на ткани и текстильный дизайн, и уже подыскивал альтернативы. Но в первую очередь Фредди отчаянно рвался реализовать свои музыкальные амбиции. И это желание лишь усилилось, когда 16 декабря 1966 года в телешоу Ready Steady Go! канал «Би-би-си» транслировал первое в Великобритании телевизионное выступление американского гитариста Джими Хендрикса. Исполняя „Hey Joe“, Хендрикс зрелищно заявил о себе, показав виртуозную манеру игры и энергичный, дикий сценический образ. Фредди был очарован всем в выступлении Хендрикса: музыкой, стилем, прической и, прежде всего, умением артистично держаться на сцене.

Фредди так увлекся Хендриксом, что был на его концертах 14 раз, в том числе девять ночей подряд в пабах по всему Лондону. «Я таскался по стране, чтобы увидеть все его выступления. У него было все, что нужно звезде рок-н-ролла: стиль и личное обаяние, – позже рассказывал Фредди. – Ему не нужно было прикладывать никаких усилий. Он просто выходил – и зал тут же вспыхивал. Он был всем, чем хотел быть я»[43 - Freddy Mercury: The Definitive Biography by Lesley-Ann Jones (Hodder Paperbacks, 2012).].

Хендрикс был почти на четыре года старше Фредди и зажег в нем стремление следовать своей мечте. Еще до этого Фредди, полный решимости быть звездой, начал писать песни дома – вспоминает его мать, Джер: «Он писал песни с раннего возраста. Я твердила ему, как и все мамы: „Давай учись и убери в своей комнате“. Однажды я вошла в его комнату в Фелтеме. Я сказала, что собираюсь вынести весь мусор, в том числе бумаги под подушкой. Но он ответил: „Не смей“. Он писал небольшие песни и стихи и клал их под подушку перед тем, как лечь спать. Музыки было настолько больше, чем учебы, что мой муж говорил, что не знает, что из него выйдет»[44 - ‘Colonial Roots of Queen’s Mercurial Star Freddie’ by Shekhar Bhatia, Sunday Telegraph, 16th October 2011.].

Фредди точно знал, чем он хочет заниматься, но ему нужны были единомышленники-музыканты. Не найдя никого, кто мог бы разделить его страсть, амбиции и природные данные, он утешал себя, прямо на занятиях рисуя портреты своего кумира, которыми потом обвешивал стены своей комнаты. «Он был отличным художником-графиком. У него был целый альбом рисунков. Он часто рисовал Хендрикса, выходило просто потрясающе», – вспоминает один из его друзей по колледжу, Джон Тейлор[45 - Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.].

Где-то между 1967 и 1968 годами директор Илингского колледжа Джеймс Дрю предложил Фредди покинуть курс дизайна одежды – главным образом из-за того, что тот проводил слишком много времени за пределами учебного заведения (в частности, посещая концерты Джими Хендрикса). Невероятно, но вместо отчисления он сумел убедить директора перевести его на другой факультет. Так Фредди оказался на факультете графики. Именно тут он и встретил трех студентов, разделявших его увлечение музыкой. Кроме Криса Смита, которого Фредди уже знал, это были Найджел Фостер и – что более важно – Тим Стаффел.

Стаффел был более чем способным музыкантом. В начале 1960-х он играл на губной гармонике, пока не перешел на гитару, а затем окончательно избрал бас-гитару в качестве основного инструмента. Однажды вечером 1964 года он играл на гармонике за кулисами группы Chris & The Whirlwinds в парке Мюррей в Уиттоне. Среди публики в ту ночь присутствовали молодой басист и молодой гитарист, учившиеся в Хэмптонской школе, которые только что основали группу под названием «1984». Басиста звали Дейв Диллоуэй. Гитаристом был тот молодой человек из Фелтема, который с помощью отца сам изготовил себе в мастерской гитару. Его звали Брайан Мэй.

После концерта Диллоуэй и Мэй отыскали Стаффела и убедили присоединиться к своей новой группе, где тот должен был петь и играть на губной гармошке. 28 октября 1964 года, уже с Тимом Стаффелом в составе, группа «1984» дала свой первый концерт в зале Церкви Святой Марии в Туикенеме. К 1967 году, когда Фредди Булсара подружился со Стаффелом, «1984» постоянно выступали в окрестностях Лондона и даже записали несколько песен в студии Thames Television Studios. 13 мая 1967 года группа также выступила на разогреве у Джими Хендрикса, когда он играл в Имперском колледже Лондона. Возможно, на этом концерте Фредди побывал как зритель.

После перевода на другой факультет в Илинге Фредди быстро сошелся со Стаффелом и остальными увлеченными музыкой студентами. «По первым впечатлениям, Фредди был совершенно гетеросексуальным в проявлениях. Скажем так, консервативным, – я даже не задумывался о его сексуальности. Не сказал бы, что в нем было что-то вызывающее. Он был довольно скромен и не особо выделялся. Однако он был прирожденным исполнителем, и его сценический образ уже тогда быстро развивался. Лично я думаю, что его звезда восходила уже тогда. Он привлекал людей», – вспоминает Стаффел[46 - Queen – The Definitive Biography by Laura Jackson (Piatkus, 2002). (Джексон Л. Queen. We

Are the Champions. – М.: Эксмо, 2003.)].

Зимой 1967 года Стаффел познакомил своих друзей с группой «1984». Фредди и Крис Смит стали завсегдатаями их лондонских выступлений. По словам Смита, было довольно очевидно, что Стаффел и Мэй на голову выше остальных участников группы в плане таланта. Неудивительно, что в начале 1968 года Брайан Мэй внезапно покинул группу. Ему хотелось выступать в коллективе, который исполнял бы собственные произведения, а не кавер-версии. Также ему нужно было уделять больше времени учебе. В 1965 году Мэй выпустился из Хэмптонской школы, сдав десять экзаменов основного уровня и четыре экзамена продвинутого уровня, и поступил в Имперский колледж изучать физику и инфракрасную астрономию. Тем не менее Мэй поддерживал связь со Стаффелом после распада группы, и несколько месяцев спустя они снова объединили усилия.

Между тем, когда Фредди не спал по-цыгански на полу кенсингтонской квартиры Криса Смита, он продолжал сочинять песни и стихи в спальне родительского дома в Фелтеме, учиться в Илинге и лихорадочно, при каждой возможности, следовать за Джими Хендриксом. «Я думаю, Хендрикс был для него чем-то вроде воплощения цели, которую он сам мог бы достичь», – предполагал Тим Стаффел[47 - Queen – These Are The Days of Our Lives, The Essential Queen Biography by Stephen Rider (Sanctuary Publishing Ltd., 1993).].

Но в 1968 году, несмотря на влияние Хендрикса, еще не было заметно признаков того броского сценического характера, в которого Фредди Булсара однажды превратится. Как вспоминал его одноклассник, Джон Хибберт: «Зная, кем он стал, можно подумать, что он сильно выделялся и уже тогда был лидером. Но это не так: по своей природе он был очень добрым, кротким и довольно спокойным»[48 - Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.].

Фредди продолжал рваться в мир музыки, но пока мог лишь дышать в спину своим товарищам. Ему повезло, что один из его ближайших друзей, Тим Стаффел, собрался создавать новую группу.

Стаффел и Брайан Мэй по-прежнему стремились реализовать свои музыкальные амбиции – даже после распада предыдущей группы, «1984». Осенью 1968 года Мэй и Стаффел, который продолжал учиться в Илингском художественном колледже, собрались создавать новую группу, в которой Стаффел взял бы на

себя вокал и бас-гитару, а Мэй – гитару. Им нужен был ударник, чтобы сформировать музыкальное трио из баса, гитары и тарелок, что было особенно модным в 1968 году из-за популярности группы The Jimi Hendrix Experience. Итак, приняв решение, они разместили объявление в Имперском колледже, где учился Мэй. Текст гласил, что им требовался «ударник типа Митча Митчелла и Джинджера Бейкера», который смог бы присоединиться к их новой группе.

На объявление отозвались разные кандидаты, однако ни один из них не соответствовал искомым качествам. Но тут помог случай. В один прекрасный день мимо доски объявлений проходил студент Имперского колледжа Лес Браун. «Я помню, в первый день в Имперском колледже я зашел в бар студенческого союза, увидел объявление о поиске ударника, написанное Брайаном, и принес его домой», – вспоминает он[49 - Queen In Cornwall by Rupert White (lulu.com, 2011).].

Сам Лес Браун не был ударником. Но его сосед по квартире, Роджер Тейлор, был.

Глава 7

С ранних лет музыка была страстью Роджера Тейлора. Свою первую скиффл-группу, The Bubblingover Boys («Бурлящие мальчики»), он собрал еще в начальной школе. К 12 годам Тейлор заполучил свой первый простейший комплект ударных и усердно практиковался в гараже родительского дома на окраине Труро в Корнуолле. В 1965 году он присоединился к группе, которая позже станет называться The Reaction («Реакция»), и за несколько лет она обосновалась на музыкальной сцене Корнуолла. Несмотря на провинциальный успех, The Reaction распались летом 1968 года. Всего две недели спустя Роджер Тейлор отправился в Лондон на фиолетовом «Триумф Геральде», принадлежащем Лесу Брауну, чтобы изучать стоматологию в Лондонской школе медицины и стоматологии.

«Я приехал поступать в колледж, чтобы познакомиться с людьми и собрать группу. Таков был мой план. Колледж был всего лишь поводом, чтобы попасть в Лондон и найти единомышленников», – вспоминает Тейлор[50 - Интервью Роджера Тейлора и Брайана Мэя, www.queenonline.com (http://www.queenonline.com/), от 23 марта 2011 г.].

Роджер и Лес вместе снимали квартиру на первом этаже дома на Синклер-гарденс, 19, в районе Шепердс-Буш. Именно сюда однажды вечером вернулся Лес, держа в руках объявление Брайана Мэя о поисках ударника. Роджер немедленно откликнулся. Вскоре Брайан Мэй и Тим Стаффел, прихватив свои акустические гитары, отправились на его квартиру для прослушивания. Все трое быстро сдружились, Роджер был принят, и вскоре они начали свои репетиции в здании Имперского колледжа.

«Помню, как я удивился, когда Роджер раскладывал свою установку в Имперском колледже, – вспоминает Мэй. – Даже пока он настраивал ударные, он звучал лучше всех, кого я слышал. Это было потрясающе»[51 - Журнал Mojo, сентябрь 1998 г.].

Группу нужно было как-то назвать. Они остановились на варианте Smile («Улыбка»), предложенном Стаффелом, и приступили к репетициям. Не довольствуясь кавер-версиями, группа, особенно Мэй и Стаффел, принялась сочинять собственные песни.

Трое из них продолжали учиться на дневном отделении и тратить все свободное время на репетиции и обсуждение музыки. Квартира Тейлора в Шепердс-Буше стала постоянным местом их встреч. Здесь могли переночевать члены группы и их приятели, в число которых входил и Фредди Булсара, друг и одноклассник Стаффела. Фредди быстро сдружился с Роджером Тейлором, который был таким же истовым поклонником Джими Хендрикса, и стал частым гостем на концертах Smile. Самый первый концерт группы прошел в Имперском колледже 26 октября 1968 года, где они выступали на разогреве Pink Floyd.

В феврале 1969 года группа Smile дала второй большой концерт в Ричмондском атлетическом клубе. Всего пару недель спустя они выступили в третий раз (не привлекший особого внимания) на благотворительном концерте Имперского колледжа, который проходил в Лондонском королевском Альберт-холле. В результате первый отзыв на группу Smile появился в газете Times, где журналист назвал их «самой шумной группой на всем западе».

Вскоре после короткого тура по Корнуоллу Тим Стаффел взял Фредди на одну из лондонских репетиций. «Однажды он пришел с Тимом, – вспоминает Роджер Тейлор, – и как-то сразу стал одним из наших. Он был полон энтузиазма – длинные, струящиеся черные волосы и весь этот великолепный образ денди»[52

- Is This The Real Life? The Untold Story of Queen by Mark Blake (Aurum Press Ltd., 2011).].

Фредди сразу же понравилось их звучание, и он начал регулярно посещать их концерты и даже давать советы – не особо задумываясь, нужны они или нет. «Фредди был большим сторонником и ценителем наших талантов, – вспоминает Брайан Мэй. – Он твердил, что мы неправильно подаем себя. Он считал, что любое выступление должно превращаться в шоу, что тогда было довольно неординарной идеей. Мода диктовала, чтобы мы носили джинсы и походили на свою аудиторию, иначе это был бы уже поп. Фредди был одержим идеей, что рок – это шоу, которое должно показывать вам нечто сногсшибательное»[53 - ‘Their Britannic Majesties Request’, Mojo magazine, August 1999.].

Фредди отчаянно пытался влиться в группу, но место ему нашлось лишь в фургоне, когда он сопровождал Smile на концертах по окрестностям Лондона. Позже в том же году, в туре по Корнуоллу, группа играла в самых разных местах – на Королевской регате в Фоуи, в Художественном колледже Фалмута и Персивальском институте в Сейн-Минвере. К тому времени Роджер Тейлор взял академ, чтобы сосредоточиться на музыкальной карьере. Возможно, его решение сыграло на руку группе, так как Лу Рейзнер из студии звукозаписи Mercury Records предложил Smile записать сингл для США. В июне 1969 года группа перебралась в студию Trident Recording в лондонском районе Сохо, где при участии продюсера Джона Энтони они записали три песни.

Фредди наверняка было трудно смириться с предложением Smile записать сингл для США. Казалось, что путь в группу ему заказан и его надежды на музыкальную карьеру таяли с каждым днем, тогда как возможности друзей представлялись безграничными. И что еще хуже, он уже закончил свое образование, и его единственным источником дохода был магазинчик Kasbah, который они вместе с Роджером Тейлором открыли на Кенсингтонском рынке. «Мы мечтали выступать в группе, но, чтобы выжить, нужно было продавать ту причудливую одежду, которая нравилась нам самим, – вспоминает Тейлор. – Мы так там и бродили в бархатных накидках и штанах в обтяжку, продавая эти прикиды покупателям»[54 - Газета The Sunday Times от 27 февраля 2011 г.].

И все же музыкальное чудо, на которое так надеялся Фредди, произошло как раз тогда, когда группа Smile ожидала выхода своего дебютного сингла в Америке. Ливерпульская группа под названием Ibex («Козерог») прибыла в Лондон в поисках славы и удачи. Как и Smile, это было трио: Майк Берсин – гитара и вокал,

Мик «Миффер» Смит – ударные, и Джон «Тапп» Тейлор – бас-гитара. Менеджером группы был 17-летний Кен Тести, который сопровождал их из Ливерпуля. В то время Кен встречался с Хелен Макконнелл, чья сестра Пэт знала Роджера Тейлора и группу Smile. Завсегдатаи одного кенсингтонского паба, 31 июля 1969 года Smile и Ibex собрались вместе для празднования дня рождения Пэт. Главный почитатель группы Smile Фредди Булсара также присутствовал.

Позже в тот вечер компания перебралась в квартиру Пэт Макконнелл на Синклер-Роуд, 36. Вечеринка была в разгаре, когда Брайан Мэй начал играть на гитаре. Вскоре это перешло в импровизированный акустический концерт Smile, но в этот раз вместо того, чтобы отпускать комментарии, Фредди начал петь. Майк Берсин, гитарист и ведущий вокалист Ibex, трезво оценивал свои способности и сразу понял, что Фредди Булсара – именно тот, кого они ищут. Их менеджер, Тести, согласился: «Ibex не особо делали успехов. Но у них все же был определенный талант, и Фредди это заметил»[55 - Queen – As It Began by Jacky Gunn and Jim Jenkins (Hyperion, 1994).].

Однажды вечером, после того как группы снова встретились в местном пабе, Фредди сказал Майку Берсину: «Что вам, ребята, нужно, так это певец». Тести прекрасно понимал, что в глубине души Фредди хотел бы присоединиться к Smile, «но раз этому не суждено было случиться, он обратил внимание на Ibex»[56 - Mercury: The King of Queen by Laura Jackson (Smith Gryphon, 1996).].

Вскоре после этого Фредди Булсара прошел прослушивание для Ibex и был принят в группу в качестве ведущего вокалиста. «Когда у нас появился Фредди, мы еще были немного неотесаны и не совсем готовы, но у нас был большой потенциал», – вспоминает барабанщик Мик «Миффер» Смит[57 - Queen – As It Began by Jacky Gunn and Jim Jenkins (Hyperion, 1994).]. Сочетание трех северян из рабочего класса и лондонского денди из Занзибара было странным, но, так или иначе, Фредди стал лицом группы. Быстро выяснилось, что 17-летнему менеджеру группы не удалось организовать им концерты в Лондоне, однако он договорился о двух выступлениях в Болтоне. Первое из них, обеденный концерт в театре «Октагон» 23 августа, стало дебютом для Ibex с Фредди Булсара в качестве ведущего вокалиста.

Больше, чем вокальное исполнение, Кену Тести на том первом концерте запомнилось умение Фредди вести себя на сцене: «Фредди был застенчив, но знал, как выступать на шоу. Так он выражал себя как личность. Все, что позже мы видели на сцене Queen, он делал в Ibex еще на своем первом концерте:

выхаживал от одного конца сцены к другому, слева направо и обратно, или приплясывал на месте. Он привнес динамику, свежесть и презентабельность группе, которой этого явно не хватало»[58 - ‘Queen Before Queen’ by John Stuart and Andy Davis, Record Collector, March 1996.].

После второго концерта, который прошел на следующий день на фестивале под открытым небом в Королевском парке Болтона, Ibex не выходили на сцену аж до 9 сентября в Ливерпуле. Это время они посвятили репетициям, разучивая песни Рода Стюарта, Yes и The Beatles. Большинство репетиций проходило в Лондоне. Фредди к тому времени уже съехал из дома родителей в Фелтеме и жил в квартире на Ферри-Роуд в Барнсе. Но он там был не один: большинство членов Smile и Ibex стремились втиснуться в любую свободную комнату, а их инструменты и оборудование заполняли остальное пространство. В главной спальне были три раздельные кровати. Одну из них занимал Фредди, а на двух других ночевали те, кому посчастливилось успеть их занять.

Дениз Крэддок и Пэт Макконнелл вместе учились в Педагогическом колледже Марии Ассумпты и жили в одном доме. Дениз так вспоминает о квартире на Ферри-Роуд: «Люди просто спали в гостиной. Там были диваны, подушки и другие вещи, на которых можно было постелиться. Кажется, нам это обходилось в 25 фунтов стерлингов в месяц, что сейчас просто копейки. Но тогда мы были бедными студентами и сбрасывались на квартиру. Фредди с трудом сводил концы с концами. У него было очень мало одежды, а обувь была вся дырявая»[59 - Queen In Cornwall by Rupert White (lulu.com, 2011).].

Фредди взял несколько заказов как графический иллюстратор, чтобы немного подзаработать, но сердце его по-прежнему лежало к музыке. Девятого сентября Ibex играли очередной концерт на северо-западе страны. Выступление проходило в клубе The Sink, в ливерпульском подвальчике, и было совершенно заурядным – за исключением одного факта. Когда Ibex играли на бис, к ним присоединились еще два участника: Брайан Мэй и Роджер Тейлор, которые также находились в Ливерпуле, выступая с группой Smile.

К тому времени Фредди несоизмеримо лучше держался на сцене. Он уже нашел себе тот сценический инструмент, который позже станет одним из отличительных знаков Queen. «Думаю, что микрофон с полуразобранной стойкой уходит еще во времена Ibex, – вспоминает бас-гитарист Джон Тейлор. – Тогда, в 1968–1969 годах, оборудование не было очень хорошим, непрофессиональным. Мне кажется, однажды Фредди просто размахивал микрофонной стойкой, а

когда ее основание отвалилось, он не смог прикрутить его обратно. Тогда не было дорожных менеджеров, у нас точно не было. Поэтому никто не выбежал на сцену, чтобы исправить оборудование, и Фредди так и прыгал на сцене с лишним микрофонным стержнем, стараясь выжать из ситуации максимум»[60 - ‘Their Britannic Majesties Request’, Mojo magazine, August 1999.].

Так как выступлений в Лондоне не предвиделось, Фредди и остальные члены группы устали колесить по автострадам до Ливерпуля. Лондон был для Фредди землей обетованной, хотя денег было мало, а жизнь на Ферри-Роуд состояла из беспорядочных ночевок в пропахшем марихуаной доме.

Пока Smile стремились выступать как можно больше, Фредди начал обдумывать следующий ход. Он считал, что смена названия может принести Ibex больший успех. Однажды ночью он позвонил гитаристу Майку Берсину, оставшемуся в Ливерпуле, и предложил назвать группу Wreckage («Обломки»). Группа согласилась, но не все из них появились на первом концерте Wreckage в Илингском колледже 31 октября 1969 года. Барабанщик Майк «Миффер» Смит ушел из группы. Решение Смита покинуть Wreckage возмутило Фредди. Он написал письмо своей подруге Селин Дейли 26 октября, в котором обругал Смита: «Миффер больше не с нами. Этот ублюдок одним прекрасным утром просто свалил, сказав, что он хочет стать молочником в Уиднесе». – И добавил: «А еще этот козел Миффер рассказал всем, что я превратился в законченного гомика»[61 - Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.]. Конечно, остальные члены группы посмеивались над возросшей женоподобностью образа Фредди. Вспоминает басист Джон Тейлор: «У Фредди было свое прозвище в группе. У него были довольно женственные манеры, и мы этим воспользовались. Мы называли его „старой королевой“[62 - Игра слов: queer – «гомик» и queen – «королева». – Прим. ред.]»[63 - Там же.].

Знал ли Фредди о том, как товарищи между собой называли его или нет, но в тот момент он явно боролся со своей сексуальностью. Его женственность и имидж денди были очевидны. Чтобы избежать пересудов, в 1969 году он стал встречаться с одной из своих бывших одноклассниц по Илингу, Розмари Пирсон. Они понравились друг другу с первого взгляда. «Он тогда не очень много работал. В студии он все время пел. Он был очень харизматичным и вызывающе одевался – например, шорты, голый торс, а сверху шуба, – и намеревался стать великим певцом. Он был очень веселым, ну просто клоуном. Фредди – самый бесстрашный человек, которого я когда-либо встречала»[64 - ‘Queen Before

Queen’ by John Stuart and Andy Davis, Record Collector, March 1996.].

Они проводили вместе все больше времени. Она водила его по художественным галереям Лондона, а он познакомил ее с различными музыкальными жанрами. «Он всегда вел себя так, будто он перед публикой, даже если мы оставались наедине. Жесты у него были театральными, а иногда он внезапно начинал петь прямо посреди улицы. Фредди нравилось быть в центре внимания, но он часто корил себя за это. Он всегда искренне интересовался мной и моей работой», – вспоминает она[65 - Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.].

Розмари сопровождала Фредди в походах по магазинам на Портобелло-Роуд, вечеринки они посещали вместе, и вскоре их отношения расцвели полным цветом. «Мы сидели в ресторане, держась за руки, и целовались. Следующее, что я помню, – мы уже в его квартире в Барнсе. Нельзя сказать, что это были романтические, полные безумств отношения. Я говорила о том, что хочу поехать в Москву одна, и тогда бы нам пришлось бы расстаться. Отношения у нас были очень теплые и близкие. Ему нравилось быть нежным, он всегда обнимал и целовал меня. Не было такого, что он вдруг начинал приставать. У нас были другие отношения», – вспоминает она[66 - ‘For The Love of Freddie…’, The Yorkshire Post, 24th October 2004.].

Когда они начали встречаться, Розмари не подозревала, что Фредди может оказаться геем. Но по мере того как их отношения развивались, она стала замечать, что Фредди выказывает все больший интерес к кругу ее друзей-геев, в который входили кинорежиссер Дерек Джармен и художник Дэвид Хокни. Розмари была единственной женщиной, приглашенной на их обеды, и Фредди настаивал, чтобы она его представила. Она была в замешательстве, особенно когда Фредди выразил желание узнать больше о гей-отношениях. «Я чувствовала, что если он с ними познакомится, он станет таким же, как они. Я боялась, что они отберут его у меня, и я окажусь лишней»[67 - Там же.].

В 1970 году, через год после знакомства, Розмари неожиданно решила разорвать отношения с Фредди. «Это было ужасно. Он умолял меня не бросать его, говорил, что ничего не понимает. Я понимала, что не смогу быть ему просто другом, зная о его других отношениях. Нужно было поставить точку»[68 - Газета The Times от 20 августа 2004 г.]. Оглядываясь на их отношения 35 с лишним лет спустя, она сказала: «Он был очень пылким любовником, всегда верным и преданным, хотя мы не жили вместе. Мы встречались не для того, чтобы только

заниматься страстным сексом, мы были очень близки. Но не могу сказать, что это была страсть. Мы просто друг другу не подошли»[69 - ‘For The Love of Freddie…’, The Yorkshire Post, 24th October 2004.].

Не только отношения с Розмари тогда завершились. Отыграв около десяти концертов, Wreckage распались незадолго до Рождества 1969 года. Фредди ходил на прослушивания к другим группам и, в конце концов, присоединился к коллективу Sour Milk Sea («Море кислого молока»), увидев объявление в журнале Melody Maker. «Фредди был с нами на прослушивании в молодежном клубе, устроенном в подземной часовне в Доркинге, – вспоминает барабанщик Роб Тайрелл. – Мы были потрясены. Он был очень уверен в себе. Не думаю, что он сильно удивился, когда мы предложили ему работу». Ритм-гитарист Джереми Гэллоп соглашается: «Он был невероятно харизматичен, потому мы его выбрали»[70 - ‘For The Love of Freddie…’, The Yorkshire Post, 24th October 2004.]. Гитарист Крис Чезни также вспоминает то прослушивание: «Помню, Фредди был очень энергичным и много вертелся, подбегал ко мне во время моих гитарных соло и размахивал микрофоном. Он был таким впечатляющим. Он сразу создавал особую атмосферу. Его вокальный диапазон был огромным, он пел даже фальцетом. Никто так не мог»[71 - Газета The Times от 20 августа 2004 г.].

В составе этой группы Фредди отыграл несколько концертов в Лондоне и окрестностях, но вскоре его стремление к творчеству и желание все контролировать перестали устраивать других членов группы. Чезни вспоминает: «Когда появился Фредди, группа потеряла свой фокус. Сплоченность между нами четырьмя заметно ослабла. В музыкальном плане мы были более пасторальными, чем Фредди, который как будто явился из другого мира. Он превозносил Led Zeppelin. Я считал, что наши музыкальные трения были очень многообещающими. Наша основа стала менее „блюзовой“, хотя раньше мы придерживались палитры ритм-н-блюза»[72 - ‘Queen Before Queen’ by John Stuart and Andy Davis, Record Collector, March 1996.].

Джереми Гэллоп также вспоминает смену музыкального курса: «Фредди очень быстро захотел изменить нас. Помню, он пытался заставить нас выучить „Lover“. Перед глазами стоит до сих пор. Мы все – особенно я – думали: „Черт возьми, это совсем не то, что нам нужно!“ Если бы мы могли все начать заново… Но Фредди был очень приятным человеком и очень хорошим арбитром. Мы с Крисом ругались до чертиков, у меня бывали постоянные стычки с басистом, и Фред всегда был тем, кто мог остудить наш пыл и дипломатично все уладить. На сцене Фредди становился другим человеком – он был таким же зажигательным,

каким мы все его знаем. А в остальном он был вполне спокойным. Я всегда буду помнить его до странности тихим и очень воспитанным, до крайности. Моя мама его любила»[73 - ‘Queen Before Queen’ by John Stuart and Andy Davis, Record Collector, March 1996.].

Барабанщик Роб Тайрелл, хотя и симпатизировал Фредди, всегда подозревал, что у певца совсем другие планы в отношении группы. «Нам нравился Фредди, – признает он. – С ним было весело, но он был изрядным интриганом, всегда себе на уме. Я прямо нутром чувствовал, что мы его не интересовали. Он знал, что он хорош. Он использовал нас как своего рода трамплин».

Весной 1970 года Sour Milk Sea распались, и Фредди снова оказался без группы. Он побывал вокалистом Ibex, Wreckage и Sour Milk Sea меньше чем за семь месяцев.

Между тем Smile тоже штормило. Их американский сингл провалился. Затем они отыграли показательный концерт в лондонском клубе Marquee Club в декабре 1969 года, который тоже не вызвал особого ажиотажа, и в результате группа распрощалась со студией Mercury Records. Хуже того, бас-гитарист и вокалист Тим Стаффел покинул группу. Неожиданно Брайан Мэй и Роджер Тейлор остались без группы. «Мы уже подумывали сдаться, – вспоминает Мэй. – Но как раз тогда на горизонте появился молодой Фредди Булсара»[74 - Там же.].

Фредди уже несколько лет маячил на периферии Smile, ревниво наблюдая за успехами группы. И вот теперь он остался без группы, а Smile лишились вокалиста. Как вспоминает Мэй, «Фредди всегда слонялся где-то рядом, и в тот момент он сказал: „Хорошо, я спою, мы можем объединить группы. Нам надо сделать то-то и то-то“, и как-то мы все постепенно согласились»[75 - Там же.].

Фредди не преминул возможностью стать вокалистом группы Smile. И вот, в начале 1970-х годов, еще под названием Smile, три четверти из тех, кто впоследствии образуют Queen, собирались в первый раз вместе выйти на сцену. Путь Фредди на вершину славы рок-н-ролла начался.

«Все случилось так, как и должно было быть, – радушно сообщает Тим Стаффел. – Фредди хотел создавать на сцене нечто театральное, к чему и так двигались Smile, но мне это не нравилось, и я покинул группу. И правильно сделал. Я рад, что я ушел, ведь если бы я этого не сделал, Queen бы не было»[76

- Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.].

Глава 8

В начале 1970 года двадцатитрехлетний Фредди объединился с Роджером Тейлором и Брайаном Мэем в группе Smile, что ознаменовало следующий этап на их пути к музыкальному олимпу. Но что бы Фредди ни думал о своих талантах певца и композитора, страх перед собственной сексуальной ориентацией приводил его в замешательство, вызывал у него множество сомнений и причинял беспокойство.

Его отношения с Розмари Пирсон закончились, когда она узнала о его неоднозначной сексуальной ориентации и андрогинности. Впрочем, это не помешало Фредди чуть позже в том же году завязать отношения с другой женщиной, Мэри Остин. Фредди изо всех сил пытался разобраться, гетеросексуал он, гей или бисексуал. В этом он был не одинок. Несмотря на декриминализацию гомосексуальности тремя годами ранее, в 1970 году, любой гей в Великобритании мог столкнуться с враждебностью, насилием и даже попасть за решетку. Для таких, как Фредди, это было непростое время. Он был воспитан на идеалах и ценностях колониальной Азии, в строгой религии парсов, которая рассматривала гомосексуальность как форму поклонения дьяволу. Влияние старших членов семьи, которые были приверженцами парсийской веры, приводило к заниженной самооценке и чувству стыда во всем, что было связано с гомосексуальностью. В конце концов, Фредди был ребенком 1950-х, когда было широко распространено мнение о том, что гомосексуальность – это психическое заболевание.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Платон. Апология Сократа. Перевод Василия Карпова. – Прим. ред.

2

Леопольдвиль был переименован в Киншасу в 1966 году Жозефом-Дезире Мобуту, пришедшим к власти в Конго во время второго государственного переворота 1965 года и инициировавшим политику «африканизации» имен и названий внутри страны.

3

‘Revealed: How the AIDs Epidemic Began in an African Rainforest in 1908’ by Stephen Lynch, The New York Post, 24th February 2015.

4

The Chimp and the River: How AIDS Emerged from an African Forest by David Quammen (W.W. Norton & Company, Inc., 2015).

5

The Origins of AIDS by Jacques Pepin (Cambridge University Press, 2011).

6

The Chimp and the River by David Quammen (W.W. Norton & Company, Inc., 2015).

7

‘Blood Transfusions in the Early Years of AIDS in Sub-Saharan Africa’ by William H. Schneider PhD and Ernest Drucker PhD (American Journal of Public Health, June 2006).

8

Старейший район города Занзибара. – Прим. пер.

9

Газета The Times от 2 сентября 2006 г.

10

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

11

Freddie Mercury: The Definitive Biography by Lesley-Ann Jones (Hodder Paperbacks, 2012).

12

The One Show, телепередача BBC, от 16 сентября 2011 г.

13

Газета The Mail on Sunday от 26 ноября 2000 г.

14

Газета The Times от 2 сентября 2006 г.

15

Газета Daily Mail от 11 февраля 2010 г.

16

Интервью Питера Стрейкера, взятое автором этой книги в январе 2016 г.

17

Интервью с Фредди Меркьюри для New Musical Express, март 1974.

18

Журнал Melody Maker, декабрь 1974 г.

19

‘Boarding School: The Trauma of the “Privileged” Child‘ by Joy Schaverien (Journal of Analytical Psychology, 49, 2004, pp. 683–705).

20

Интервью с Фредди Меркьюри для New Musical Express, март 1974 г.

21

Газета Hindustan Times от 30 августа 2008 г.

22

Там же.

23

The Show Must Go On: The Life of Freddie Mercury by Rick Sky (Citadel Press, 1997). (Скай Р. Фредди Меркьюри. – М.: Мирт, 1993.)

24

Queen – As It Began: The Authorized Biography by Jacky Gunn and Jim Jenkins (Sidgwick & Jackson, 1992).

25

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

26

Там же.

27

The Show Must Go On: The Life of Freddie Mercury by Rick Sky (Citadel Press, 1997). (Скай Р. Фредди Меркьюри. – М.: Мирт, 1993.)

28

‘Going Ga Ga’ by Anvar Alikhan, Outlook Magazine, 14th November 2011.

29

BBC Online, 20 ноября 2009 г.

30

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

31

Боро – административная единица Лондона районного уровня. – Прим. ред.

32

BBC Online, 20 ноября 2009 г.

33

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

34

‘The Early Spread and Epidemic Ignition of HIV-1 in Human Populations’ by Dr Nuno Faria, Science Journal, October 2014.

35

‘HIV’s Spread Traced Back to 1920s Kinshasa’ by Monte Morin, Los Angeles Times, 10th October 2014.

36

Некролог на смерть Люкнера Камбронна, газета The Independent, 5 октября 2006 г.

37

‘Exodus & Genesis: The Emergence of HIV-1 Group M Subtype B’, Oral presentation by Dr Michael Worobey, 14th Conference on Retroviruses & Opportunistic Infections, Los Angeles, 2007.

38

‘Boy’s 1969 Death Suggests AIDS Invaded US Several Times’ by Gina Kolata, The New York Times, 28th October 1987.

39

The Chimp and The River: How AIDS Emerged from an African Forest by David Quammen (W.W. Norton & Company, Inc., 2015).

40

Скиффл – музыкальный стиль, сочетающий в себе элементы джаза, блюза и народных американских мотивов. – Прим. ред.

41

Is This The Real Life? The Untold Story of Queen by Mark Blake (Aurum Press Ltd., 2011).

42

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

43

Freddy Mercury: The Definitive Biography by Lesley-Ann Jones (Hodder Paperbacks, 2012).

44

‘Colonial Roots of Queen’s Mercurial Star Freddie’ by Shekhar Bhatia, Sunday Telegraph, 16th October 2011.

45

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

46

Queen – The Definitive Biography by Laura Jackson (Piatkus, 2002). (Джексон Л. Queen. We Are the Champions. – М.: Эксмо, 2003.)

47

Queen – These Are The Days of Our Lives, The Essential Queen Biography by Stephen Rider (Sanctuary Publishing Ltd., 1993).

48

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

49

Queen In Cornwall by Rupert White (lulu.com, 2011).

50

Интервью Роджера Тейлора и Брайана Мэя, www.queenonline.com (http://www.queenonline.com/), от 23 марта 2011 г.

51

Журнал Mojo, сентябрь 1998 г.

52

Is This The Real Life? The Untold Story of Queen by Mark Blake (Aurum Press Ltd., 2011).

53

‘Their Britannic Majesties Request’, Mojo magazine, August 1999.

54

Газета The Sunday Times от 27 февраля 2011 г.

55

Queen – As It Began by Jacky Gunn and Jim Jenkins (Hyperion, 1994).

56

Mercury: The King of Queen by Laura Jackson (Smith Gryphon, 1996).

57

Queen – As It Began by Jacky Gunn and Jim Jenkins (Hyperion, 1994).

58

‘Queen Before Queen’ by John Stuart and Andy Davis, Record Collector, March 1996.

59

Queen In Cornwall by Rupert White (lulu.com, 2011).

60

‘Their Britannic Majesties Request’, Mojo magazine, August 1999.

61

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

62

Игра слов: queer – «гомик» и queen – «королева». – Прим. ред.

63

Там же.

64

‘Queen Before Queen’ by John Stuart and Andy Davis, Record Collector, March 1996.

65

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

66

‘For The Love of Freddie…’, The Yorkshire Post, 24th October 2004.

67

Там же.

68

Газета The Times от 20 августа 2004 г.

69

‘For The Love of Freddie…’, The Yorkshire Post, 24th October 2004.

70

‘For The Love of Freddie…’, The Yorkshire Post, 24th October 2004.

71

Газета The Times от 20 августа 2004 г.

72

‘Queen Before Queen’ by John Stuart and Andy Davis, Record Collector, March 1996.

73

‘Queen Before Queen’ by John Stuart and Andy Davis, Record Collector, March 1996.

74

Там же.

75

Там же.

76

Документальный фильм «Фредди Меркьюри, нерассказанная история», ZDF, Arte, DoRo Produktion, 2000.

Купить: https://tellnovel.com/mett_lengtorn/the-show-must-go-on-zhizn-smert-i-nasledie-freddi-merk-yuri

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити